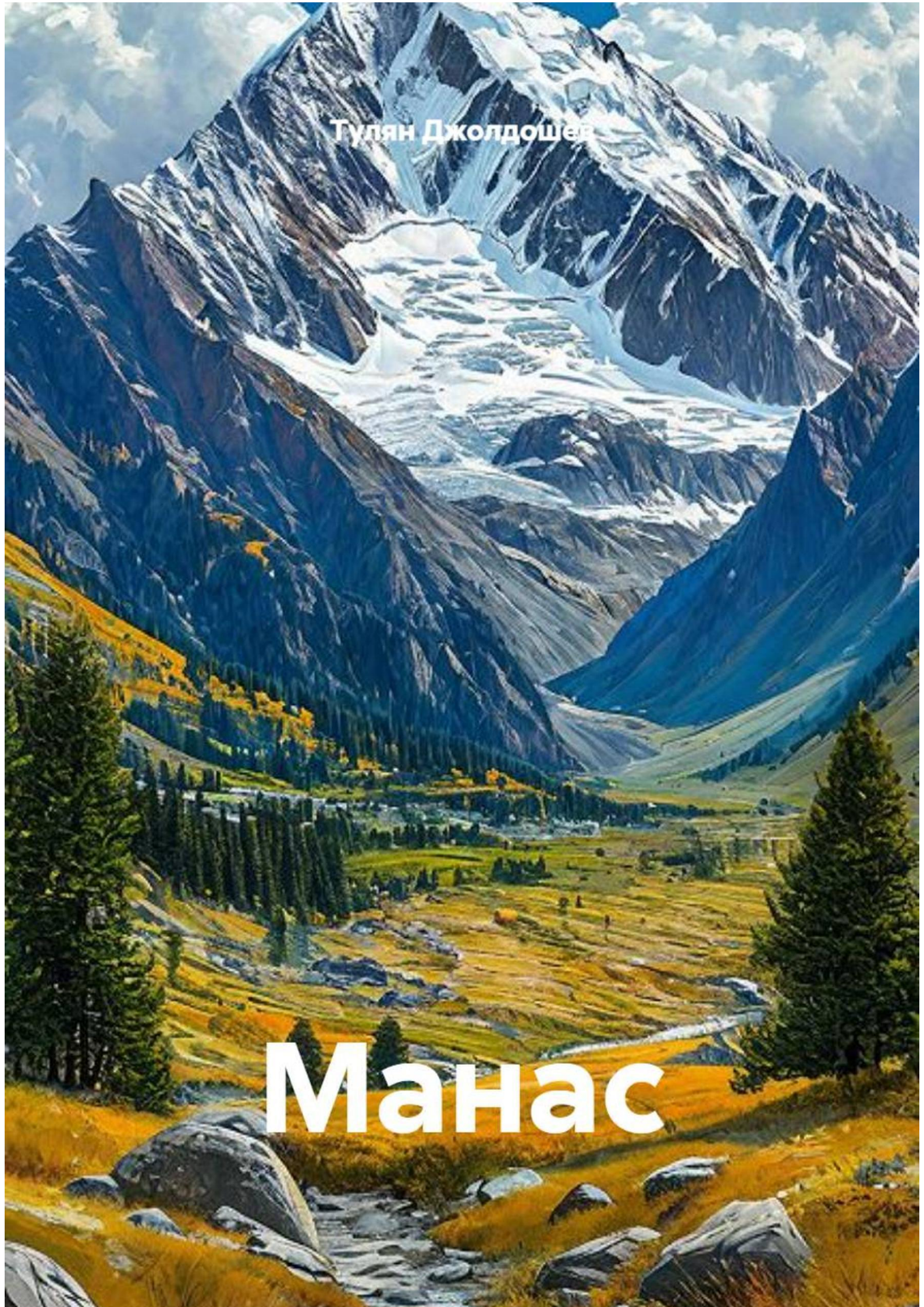

Түлян Джолдошев

Манас

Тулян Джолдошев

Манас

«Автор»

2026

Джолдошев Т. Т.

Манас / Т. Т. Джолдошев — «Автор», 2026

Это произведение написано на основе всемирно известного кыргызского эпоса Манас по варианту Сагымбая Орозбакова. Оно включает в себя события от рождения Манаса и до его возмужания, освобождения священного Ала-Тоо от захватчиков и возвращения кыргызского народа в родные края.

© Джолдошев Т. Т., 2026

© Автор, 2026

Тулян Джолдошев

Манас

УДК 821.51
ББК 82.3 (2Ки)
Ж 23

Жолдошев Т. Т.

Ж 23 МАНАС: Роман на основе эпоса/ Книга первая/ Худ.произведение – Т.Т.Жолдошев/Перевод с кыргызского языка автора – Бишкек: 2023.

ISBN 978-9967-9134-3-1

Это произведение написано на основе всемирно известного кыргызского эпоса “Манас” по варианту Сагымбая Орозбакова. Оно включает в себя события от рождения Манаса и до его возмужания, освобождения священного Ала-Тоо от захватчиков и возвращения кыргызского народа в родные края.

М 4702300500-20
УДК 821.51
ББК 82.3 (2Ки)

ISBN 978-9967-9134-3-1 ©Жолдошев Т. Т., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Поражение кыргызов от Алооке и их изгнание из Ала-Тоо 2
Глава 2. Рождение Манаса 14
Глава 3. Детство Манаса 34
Глава 4. Как Манас уничтожил лазутчиков Эсенкана и Нескару 58
Глава 5. Как Манас с товарищами ездил на охоту 80
Глава 6. Избрание Манаса ханом и его победа над великаном Жолоем 87
Глава 7. Победа Манаса над ханом Дубуро 97
Глава 8. Победа Манаса над ханом Кайипом 111
Глава 9. Как Жакып собрал людей и предложил переехать с Алтая в Анжиян 120
Глава 10. Победа Манаса над ханом Текесом 123
Глава 11. Пир хана Тейиша и битва Манаса с девицей Сайкал 129
Глава 12. Война Манаса с ханом Орго 133
Словарь 199

МАНАС

Роман на основе эпоса
Книга первая

Глава 1. Поражение кыргызов от Алооке и их изгнание из Ала-Тоо

Как стали кыргызы кыргызами и приобрели имя свое, пришлось им немало веков про- вести, с несметными полчищами врагов сразиться, преодолеть множество гор и хребтов. Ради свободы и независимости народа многие храбрецы не пожалели и своих жизней.

Если обратиться к делам давно минувших дней и преданиям старины глубокой, зани- маемые кыргызами земли испокон веков простирались от священного Ала-Тоо до Эрена, от Энесая до Орола и Тибета.

Народом Энесая сорок лет правил хан Мамай. При нем количество его поданных достигло сорока племен. У него было пять жен, но ни одна из них не принесла ему ребенка. Тогда хан женился на многодетной вдове. Она родила ему долгожданного ребенка мужского пола. На радостях счастливый отец дал ему имя – Бодоно. После смерти отца Бодоно стал ханом и правил народом.

От Бодоно родились Ботой, Бойон хан. От Бойона - Чайан хан, от Чайан хана - Кара хан, от Кара хана - Орозду. При Орозду кыргызы особенно разбогатели и жили припеваючи.

Орозду имел пять жен и десять детей. От старшей жены родились Жакып и Шыгай, от второй - Катаган и Каткалан, от третьей - Жамгырчы и Балта, от четвертой - Касиет и Калка, от пятой - Текечи и Кызылтай.

Когда в определенное роком время он покинул этот бренный мир, на долю кыргызского народа выпало тяжкое бремя. В то время злейшие враги кыргызов – кара китаи, калмаки нахо- дились в городе Нарыне под властью хана Алооке. Весть о кончине Орозду настигла его, когда он был занят покорением Самарканда и Анжияна. Ни минуты не медля, Алооке с несметными полчищами под громкие звуки труб и оглушительный грохот барабанов нагрянул на землю Таласа.

Стрелы летели градом, день превратился в ночь, все заволокло кругом. В воздух взвились облака пыли, копыта ударялись об копыта, людские головы стучались друг об друга, передние ряды воинов сминали людей, а задние – обрушились на всех, как сель!

Не дай Бог кому-либо пережить такое! Старшему сыну Орозду – Жакыпу было пятна- дцать лет. А его младшие братья были и того моложе. Поэтому некому было возглавить кыр- гызов и оказать врагам достойное сопротивление.

Наполнив землю Таласа плачем и кровью, калмаки беспощадно истребили самх лучших кыргызских воинов. Уцелевшие были вынуждены спасаться бегством в горных лугах, оврагах и лощинах. В аилах остались сгорбленные старики да малые дети. Все имущество оплакиваю- щих свою незавидную долю кыргызов подверглось разграблению, а сами они – неизмеримым страданиям и унижениям. Красивые девушки и молодухи с плачем были уведены в качестве добычи в неволю и никто не смог их защитить. “Если Орозду баатыр не умер, нам не пришлось бы увидеть столько горя!” – такие громкие стенания слышались со всех сторон. Над Таласом опустилась темная ночь, окутанная смрадным черным дымом.

Добившись полной победы, враги обложили кыргызов тяжелой данью и стали забирать его золотом. Если кто-то не мог ее найти, забирали его скот. При недостатке скота, убивали людей. Оказывавших сопротивление жестоко избивали и угоняли в рабство.

Синее знамя на сторожевой башне было сожжено, а Ставка хана – Ордо - полностью раз- громлена. Казну, которую собирали несколько поколений кыргызов, разграбили враги. Хра- нившиеся веками старинные рукописи (бичики) китайские монахи предали огню. “Пусть кыр- гызы лишатся знаний и останутся неграмотными, невежественными. Только наш народ на свете должен быть просвещенным!” – решили они. Велев разыскать в горах валуны с древними пись- менами, монахи волами оттащили их к глубоководным рекам. Затем монахи утопили валуны, чтобы от них не осталось никаких следов.

XX

Желтолицый, узкоглазый, среднего роста, с обвисшим животом, хан Алооке, приехав из Бээжина, стал всемогущим и всеильным владыкой. Его гнев был подобен ярости дракона.

Когда дети слышали, что придет Алооке, они переставали с перепугу плакать. Ибо, если он разгневается, быть большой беде. Провинившегося Алооке сравнивает с черной землей, пришедшего к нему – достанет бесконечными придирадками, а если по-настоящему разозлится – прикажет слугам избить. Страшный в гневе, будучи в ханском чине, подвергать избиениям поданных – извечная забава Алооке.

Довольный своей победой над кыргызами, Алооке после сытного обеда отдыхал в Анжияне в одной из комнат своего дворца. В это время к нему пришел высокий, тощий, желтолицый монах Иранкудук, одетый в черный халат и синие сапоги. На голове у него красовалась остроконечная синяя монашеская шапка.

- Вы вызывали меня, мой хан? – поклонился своему повелителю монах.

- Вызывал! – сурово посмотрел на Иранкудука Алооке. – Какие есть новости? Что говорят о нас побежденные кыргызы?

- Все в порядке, повелитель! – подобострастно ответил монах. – После поражения они совсем пали духом и совсем не смеют поднять на нас глаза!

- Да, все именно так! – горделиво ответил Алооке. – Эти негодяи буруты во времена хана Орозду совсем обнаглели от богатства. Скот заполонил землю, их род разросся до девяносто тысяч юрт и катались кыргызы, как сыр в масле!

- Ваша правда, мой хан! Кыргызы жили счастливо. Старухи у них не смотрели на масло, а невестки брезговали сметаной.

- Кто сумел разгромить таких сильных врагов? Я! Нет на свете другого такого могущественного хана, кроме меня! – самодовольно произнес Алооке.

- Истину глаголете, повелитель! Ваш народ доволен судьбе, давшего ему такого великого, мудрого правителя! Пусть ваше могущество еще больше увеличится. Живите тысячу лет, благодетель вы наш! – изо всех сил расхвалил хана Иранкудук.

Услышав такую грубую, неприкрытую лесть, Алооке довольно рассмеялся.

- А ну, монах! Если ты от души сказал такие приятные слова, тогда присаживайся и отведай кумыса! – великодушно предложил он.

- Благодарствую, повелитель! – поблагодарил Иранкудук и уселся напротив Алооке.

Он вежливо пригубил кумыс из голубой чашки и поставил его на место. Алооке также не спеша выпил два-три глотка и снова обратился к Иранкудуку.

- Как ты думаешь? – спросил он у почтительно наклонившегося в его сторону монаха. – Покорились ли полностью нам кыргызы, жившие в таком довольствии и счастье? Смирятся ли они со своей горькой участью и не будут ли оказывать нам сопротивление?

Ненадолго задумавшийся Иранкудук отрицательно покачал головой.

- Нет! – ответил он. – Кыргызы не тот народ, который может полностью подчиниться другим. Они обязательно попытаются отомстить нам и взять реванш.

- Верно говоришь, монах! – согласился Алооке. – Они проиграли нам из-за того, что не были дружны и не действовали слаженно. Каждый из них мнил себя ханом Орозду и не слушал других!

- Отделившегося волки съедят! – рассмеялся Иранкудук. – Но, если эти проклятые буруты будут вместе жить, в один прекрасный день могут подняться против нас. Поэтому необходимо расселить их в разных краях. Кыргызам нет здесь места, мой хан!

- Чепуха! – беспечно ответил Алооке. – Я уничтожил всех видных джигитов бурутов. У них остались одни дряхлые старики, да дети малые. На кыргызов нагнан немалый страх! Пока они придут в себя и осмелятся выступить против меня, пройдет минимум десять-двадцать лет.

- Береженного Бог бережет! – не унимался Иранкудук. – Лучше расселить их по разным местам, повелитель!

- Нет! Пока нет необходимости предпринимать такие шаги!

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Когда калмаки после смерти Орозду напали на Талас, Акбалта со своим народом нойгут проживал в окрестностях Анжияна. Алооке придавил его и разграбил. Не зная, куда деться от него, Акбалта полностью оробел и растерялся.

От жестокости и притеснения калмаков ему свет стал не мил и небо показалось с овчинку. Не зная, как спасти сородичей от такой напасти, молодой джигит приуныл.

“Несчастный мой народ! – с горестью думал в своей юрте Акбалта. – Бедная моя земля! Когда вижу твои слезы и плач, я не знаю, куда девать себя от отчаяния. Не дай Бог никому испытать подобную участь в семнадцать лет! Нет сил у меня выступить против китайцев и калмаков. Если оставить все, как есть, эти проклятые кровопивцы могут окончательно нас истребить. Что теперь делать?”

Стройный, светлолицый, чернобровый, красивый Акбалта горестно покачал головой. Встав с места, он в бессильной злобе на врагов стал ходить взад-вперед по юрте.

“Жестокий мир! Будь жив дядя Орозду, мы не мучились так тяжело!” – при этих мыслях у Акбалты запершило в горле и из глаз брызнули непрошенные слезы.

Не зная, что предпринять, юноша долго неподвижно сидел на месте. Наконец, придя в себя, он встал и вымыл лицо водой из жестяного узконосого кувшина.

“Хватит! – пристыдил себя Акбалта. – Что толку горевать, оплакивая прошлое?! Чем больше будешь думать о неприятном, тем больше расслабишься и раскиснешь. Надо поехать к Жакыпу – старшему сыну дяди Орозду. Если суждено погибнуть – будем вместе в одной яме, если выживем – на одном холме!”

Приняв такое решение, Акбалта собрал уцелевших от поголовного погрома своих сородичей и через несколько дней доехал до Таласа. По дороге нойгуты своими глазами увидели, какому разгрому подвергся кыргызский народ. Чем ближе они подходили к Таласу, тем больше им стали попадаться разрушенные, дотла сожженные дома, оставшиеся без ухода цветущие сады, засыхающие без полива хлебные поля, обглоданные собаками и хищными птицами непогребенные трупы людей. Разжиревшие от мертвечины собаки, не обращая никакого внимания на проезжавших по пыльной дороге людей, лениво обглаживали валявшиеся повсюду кости.

“Сохрани нас Господь! – с ужасом подумал Акбалта. – Какое страшное зрелище! Вокруг не осталось ни одной живой души, как будто настал конец света! Видать, калмаки истребляли всех поголовно. Уцелели ли в такой страшной мясорубке мои сородичи или отдали Богу душу?!”

Терзаемый мрачными предчувствиями, Акбалта вытащил шелковый белый носовой платок, снял с головы запылившийся от долгого пути белый калпак и вытер струившийся со лба холодный пот. Взволнованный джигит успокоился только тогда, когда, доехав до Таласа, увидел десять детей Орозду и брата Бая живыми и невредимыми.

Обрадованный этим, Акбалта поселился по соседству с родственниками. Для того, чтобы решить, как жить дальше, в тот же вечер кыргызы собрались в юрте Жакыпа.

Для дорогих гостей хозяин зарезал жирного курдючного барана. Хорошо сварив его мясо, он подал для них бешбармак*. После сытного ужина все стали горевать, оплакивая свою незавидную долю.

- Прекратите реветь! – стал утешать родственников среднего роста, смуглый, скуластый, худощавый Бай. – От вашего плача и рева нет проку. После того, как враг ушел, разбей меч об камень! Все прошло и быльем поросло! Наша надежда, опора, глыба Орозду ушел в мир иной и никогда теперь не вернется. Поэтому нам нужно крепиться!

- Вы правы, дядя! - вытирая слезы, ответил рослый, широкоплечий, коренастый Жакып. – Бог дал, Бог взял! Отец теперь никогда не вернется на этот белый свет. Мы с ним увидимся только в Судный день!

- Сильное горе об усопшем – это неповиновение воле Бога, впадение в тяжкий грех! – покачал головой Бай. – Поэтому я и говорю вам, чтобы вы сильно не скорбели о дяде Орозду. Вы поняли меня?

- Поняли! – за всех ответил Жакып.

- Это хорошо! – довольно сказал Бай. – Как я уже говорил, смерть – это печаль самого покойника. Жизнь продолжается своим чередом. Мы должны подумать о судьбе кыргызов и спасти их от невзгод.

- По вашему мнению, что мы должны делать? – вопросительно посмотрел на Бая Акбалта.

- Если вы согласны, надо уехать из Таласа, а не выть на его развалинах! – после небольшой заминки ответил Бай.

- Куда уедем? – уныло спросил Жакып. – Если поедем в сторону Куркуроо, она полностью под властью Алооке.

- Нет! – отрицательно покачал головой Бай. – Мы туда не пойдем. Надо направиться в Отмок, где даже дикие козы с трудом пробираются и откочевать в сторону гор.

- Нам придется навсегда уехать из Таласа? – с болью в голосе спросил Жакып.

- Да! – печально ответил Бай. – Другого выхода у нас не осталось. Не стоит сторожить сгоревшие, разграбленные развалины Ордо. Надо искать другие земли, чтобы начать новую жизнь.

Как бы ни было трудно навсегда покинуть родные места, родственники согласились с этим трудным решением. На следующий день, собрав весь скarb, уцелевший после погромов, все двинулись в путь. С ревом и плачем обойдя Ордо, как символ прежней беззаботной, счастливой жизни, кыргызы направились в сторону Отмока.

После долгого изнурительного пути уставшие путники с посеревшими от пыли лицами наконец остановились в болотах Уйрулмо. Здесь Бай, Акбалта и сыновья Орозду снова собрались в шатре Жакыпа, чтобы обсудить план дальнейших действий.

- Слава Богу! – начал свою речь Бай. – Нам удалось вырваться от калмаков и достичь благополучно намеченной цели. Как мы теперь будем жить? Давайте поговорим об этом. Полностью покоримся врагам и скажем им: “Мы проиграли вам, делайте с нами, что хотите!” Или покажем им клыки и напав на них, как волки на отару овец, окажем яростное сопротивление? Выскажите свое мнение, джигиты?

Бай вопросительно посмотрел на братьев, сидевших в шатре вокруг синей шелковой ска-терти. Первым заговорил худощавый, черноглазый, чернобровый, миловидный тринадцатилетний Жамгырчы.

- По-моему, необходимо сразиться с калмаками и манжуйцами – звонко сказал он. – Как мы можем покориться тем, кто испокон веков были рабами наших предков? Как пойдем к ним в услужение? Если мы так поступим, разве не покажут нас духи предков?! Надо сразиться и победить! Если нет, то погибнем! Но мы должны сохранить свою честь, дав достойный отпор врагам!

Против слов старшего брата выступил светлолицый, скуластый, немного полноватый десятилетний Каткалан.

- О чем вы говорите, брат?! – произнес недовольно он. – Как мы можем одолеть такое огромное количество врагов? Если отец был жив, тогда другое дело. Теперь же нам рискованно идти на такой шаг. Мы не сможем ни явно, ни скрытно одолеть калмаков!

Слова Каткалана горячо поддержал Жакып:

- Брат правильно говорит! Мы не сможем противостоять калмакам. Если послушаемся их, они живьем содрут с нас шкуры и наше положение станет еще тяжелее, чем сейчас. Не надо злить калмаков, а согласиться на их требования и отдать все, что они попросят! Лишь бы самим выжить!

Заметив, что Акбалта горестно качает головой, Бай обратился к нему:

- Что, брат?! Почему качаешь головой? Или тебе не понравились слова Жакыпа?
Акбалта снова посмотрел на Жакыпа и печально ответил Баю:

- Да, мне совсем не по душе сказанное Жакыпом.

- Почему?

- Я не смог противостоять калмакам и защитить родную землю. Поэтому, решил объединиться с братьями в Таласе и отомстить врагам. Если нет - не терпя унижения, с честью погибнуть на поле боя. С этими мыслями со своим поредевшим народом пришел к вам. А Жакып предлагает сдаться калмакам. Как мне могут понравиться такие слова?!

Увидев, что на поставленный им вопрос у братьев совершенно противоположные мнения, Бай невольно горестно вздохнул.

- Что с вами, дядя? – встревоженно спросил Жамгырчы. – У вас что-то болит?

- Да, милый! – с мукой в голосе ответил Бай. – Увидев, как разорены кыргызы и тяжело стонут под пятой врага, у меня сердце кровью обливается. Если бы мог, я своей рукой вырезал всех калмаков. Но, откуда у нас силы на это, братья?!

- Тогда что прикажете делать? – рассерженно спросил Акбалта. – Сложить руки, сидеть тихо, как мыши и поклониться врагу?!

- Другого выхода нет, брат. Не стоит поддаваться эмоциям и действовать опрометчиво. Терпение – золото! Надо набраться терпения и просчитывать свой каждый шаг. Пока мы обессилены. Нет у нас ни полководцев, могущих возглавить народ, ни земель, чтобы управлять ими. Необходимо сначала объединить наш разрозненных кыргызов, собраться с силами и добиться прежнего могущества. Затем мы должны сокрушительным ударом освободить родную землю и выгнать врагов. До этого надо вести себя смирно, чтобы враг поверил, что мы полностью покорились ему. Тогда он расслабится и мы проведем его. Что вы на это скажете, братья?! – вопросительно закончил свою речь Бай.

После бурного обсуждения было принято решение втайне от китайцев и калмаков собирать силы для решительного боя.

XX

Но этим надеждам не было суждено сбыться. Предвидя, что кыргызы не смирятся со своим поражением, Алооке заранее подослал к ним своего шпиона. Он и донес до хана калмаков о принятом кыргызами решении.

Разозленный Алооке, собрав свои войска, под алыми стягами и красными знаменами начал громить кыргызские айлы. Калмаки убивали и сопротивлявшихся, и бежавших, беря в качестве добычи молодых ребят, красивых девушек и молодых. Кыргызам свет стал не мил, народ был унижен. Не зная, куда деваться, где укрыться, окровавленные люди в поисках спасения стали прятаться в горах, ущельях и оврагах. Не довольствуясь этим, Алооке угнал к себе весь скот кыргызов.

Обозленные таким унижением и жестокостью, кыргызы решились до последней капли крови сражаться за родную землю.

- Чем так ходить, лучше умереть! – мрачно изрек Бай братьям. – Как нам терпеть такое унижение? Если будем живы, какой цели добьемся? Надо сразиться с озверевшими врагами!

Некоторое время спустя предоставилась благоприятная возможность отомстить китайцам. Алооке погрузил все награбленное у кыргызов на сто девяности верблюдов, приставил к ним восемьдесят богатырей охранниками и отправил большой караван в Бээжин, в качестве подарка хану Эсенкану.

Узнавшие об этом Акбалта и Жакып пришли в шатер Бая.

- Брат! – сурово проговорил Акбалта, судорожно сжимая рукоять длинного меча, висевшего на его разукрашенном драгоценными камнями широком черном кожаном ремне. – Калмаки решили отправить собранный нашими предками казну Эсенкану в подарок!

- Не может быть?! – подпрыгнул на месте Бай. – Неужели Алооке столько золота, серебра и другие драгоценности подарил Эсенкану?

- Да! – мрачно подтвердил Жакып.

Бай встал с места, запахнул свой старый зеленый халат и от злости стал ходить взад-вперед в палатке, как разъяренный тигр в клетке.

- Что теперь будем делать? – хмуро спросил Акбалта. – Так и промолчим, испугавшись жестокости врага? Позволим ему завладеть своим богатством?!

- Нет! – резко ответил Бай. – Всякой осторожности есть предел. Если сейчас струсим и позволим калмакам забрать казну, мы во веки веков покроем себя позором! Такое слабодушие потомки никогда нам не простят! Надо атаковать калмаков и отобрать казну! Вы согласны на это?

- Я согласен! – с готовностью ответил Акбалта.

- А я - нет! – подал голос Жакып.

- Почему? – разинул рот Акбалта. – Ты что, испугался калмаков и готов наложить в штаны?

- Я никого не испугался! – спокойно проговорил Жакып.

- Тогда почему ты выступаешь против нашего предложения? – разозлился Акбалта.

- Я делаю это по двум причинам. Во-первых, если сейчас захватим казну, завтра-послезавтра калмаки нагрянут к нам и в десятикратном размере возместят свой убыток. Во-вторых, в это время могут погибнуть сотни, тысячи ни в чем не повинных кыргызов.

- Тогда нам что, сидеть, сложа руки? – рассвирепел Акбалта.

- Не знаю! – тяжело вздохнул Жакып. – Я всего лишь высказал свое мнение.

Акбалта, на мгновение с ненавистью посмотрев на Жакыпа, повернулся снова к Баю.

- Что вы на это скажете? – с волнением спросил он. – Вы тоже хотите предложить не нападать на казну и оставить ее в покое?

- Нет!

- Вы что, готовы допустить, чтобы кыргызы невинно пострадали?! – обеспокоенно спросил Жакып.

- Этот твой довод резонен! – устало проговорил Бай. – Разозленные нами калмаки наверняка будут мстить за казну всем кыргызам. Верно и то, что при этом сотни, тысячи наши храбров могут погибнуть, а девушки и молодухи будут угнаны в рабство!

- В таких обстоятельствах, может, не стоит нападать на калмаков? – с надеждой посмотрел на Бая Жакып.

- Нет, дорогой! – отрицательно покачал головой Бай. – Сейчас не время проявлять трусость. Да, из-за нашей атаки мы можем понести множество жертв. Вполне возможно, что и сами падем от рук калмаков. Но, несмотря на это, мы должны сохранить свои честь и достоинство. Какая черта характера делает кыргыза кыргызом и отличает его от других народов? Это - достоинство! Ради него кыргыз не устрашится ни смерти, ни огня и будет рад пожертвовать даже своей жизнью!

- Вы абсолютно правы!

- Все мы испьем горькую чашу смерти! Никто в этом мире не вечен и все мы смертны. Поэтому я смерти не боюсь. Единственное, чего я опасаюсь и прошу у Всевышнего – чтобы наши жертвы были не напрасны! Если мы падем за святое дело, пусть у кыргызов появится богатырь, который защитит их честь и отомстит врагам за пережитые страдания! Ежели такой храбрец отомстит за наши слезы и пролитую кровь, я буду благодарен Всевышнему в обоих мирах!

- Мы полностью согласны с вами! – с волнением сказал Акбалта.

- Если это так, подготовьте шестьдесят сильных и храбрых джигитов! – заключил Бай. – Завтра вернем казну!

Акбалта и Жакып вместе с подготовленными воинами, облачившись в доспехи, опоясавшись острыми мечами, получив благословение кыргызского народа, оседлав лихих скакунов – тулпаров, на ранней утренней зорьке, перевалив за горные хребты, неожиданно напали на караван Алооке. После короткого, кровопролитного сражения доблестные джигиты отбили казну и обходя каждый двор, вернули его народу.

XX

Такая дерзость кыргызов не осталась без ответа. Один из охранявших караван восьмидесяти богатырей – высокий, широкоплечий, смуглый калмак по имени Жоо желдет сумел сбежать от нападавших. Поспешно прибыв в Анжиян к Алооке, воин рассказал ему о происшествии.

- Мой хан! – сказал он. – На наш караван напали разбойники-буруты, перерезали охранников и отобрали имущество, предназначенное Эсенкану.

- Ты говоришь, буруты? – удивился Алооке.

- Да!

- Как они осмелились пойти на такой шаг? – недоверчиво спросил Алооке. – Я убил всех их богатырей! Может, ты ошибаешься? Возможно, караван атаковал кто-то другой?

- Нет! – не отказался от своих слов весь окровавленный, запыленный от долгой дороги богатырь. – Я своими глазами видел разбойников-бурутов и слышал своими ушами их разговор на кыргызском языке!

Не зная, верить или нет словам воина, растерянный Алооке приказал всем ученым, шаманам и жайсанам* приехать к нему. Собравшиеся ученые мужи начали гадать по гадальным камням, бараньей лопатке и читать молитвы. В конце, обобщив все их гадания, выступил Иранкудук.

- Мой хан! – сказал он. – Воин сказал правду. Казну похитили буруты, а именно сыновья Орозду.

Услышав это, Алооке весь затрясся. Такой дерзкий проступок покоренного врага возмутил его до глубины души.

- Негодяи! – вне себя от гнева заорал хан, бросив в сердцах на землю свою черную четырехугольную шапку. – Как кыргызы осмелились выступить против меня?! Теперь я заставлю их жестоко заплатить за это. Они у меня будут харкать кровью!!!

- Правильно говоришь, повелитель! – поддержал его Иранкудук. – Волчонок никогда не станет собакой! Я ведь предлагал тебе полностью их уничтожить, чтобы они никогда не смогли поднять головы. Но ты не согласился!

Рассвирепев еще больше, обуреваемый кровожадными мыслями, Алооке издал жестокий указ:

- Пожалев бурутов в прошлый раз, я жестоко ошибся! Я думал, что они разумные люди. Но они оказались хуже зверей, не понимающих добра! Пусть кыргызы теперь на меня не обижаются. Я истреблю их род. Никого не пожалею и поголовно уничтожу всех!

Исполняя приказ хана, бесчисленные войска, сев на скакунов, обыскивая все ущелья, начали убивать всех встречаемых кыргызов. Распрощались с этим миром все: и оказавшие сопротивление, и склонившие свои головы, а их имущество и скот стали добычей врага. Пришла темная ночь на землю кыргызов, беда была повсюду и никто не мог найти спасения от рук жестоких китайцев.

Увидев это, кыргызы впали в отчаяние.

- Спаси нас Всевышний! – с горечью проговорил Акбалта, когда дети Орозду снова собрались в палатке Жакыпа. – Как жестоки калмаки, имеющие с нами общих предков! Они уничтожают всех – старых и молодых, мужчин и женщин!

- А как вы думали?! – угрюмо отозвался Жакып. – Неужели калмаки ничего не стали бы предпринимать после нашего нападения на караван? Или вы думали, что они погладят нас по головке и скажут “спасибо” за это?

- Нет! – ответил Акбалта. – Но зачем проявлять такую жестокость из-за богатства?!

- Я заранее предупреждал, что не надо трогать калмаков, не надо их злить?! – огорченно покачал головой Жакып. – Теперь приходится расхлебывать последствия нашего необдуманного шага!

Акбалта и все остальные дети Орозду понуро опустили головы, не зная, что ответить на эти слова.

- Братья мои! – сказал тогда Бай. – Что случилось, то случилось. Нет пользы от того, если начнем выяснять, кто прав, а кто нет и обвинять друг друга. У нас сейчас цель совсем другая – остановить бесчинство калмаков. Если не сделать этого, через два-три месяца кыргызы исчезнут, как народ!

- Верно! – согласился Жакып. – Надо непременно остановить калмаков. Но как?!

На мгновение в палатке воцарилась тишина. Бай с надеждой посмотрел на братьев, ожидая от них какого-либо разумного совета. Но видя, что все молчат, он начал говорить сам.

- Совершенно очевидно, что калмаки вознамерились уничтожить всех кыргызов – сказал Бай. – Чтобы положить этому конец, я отправлюсь к Алооке.

- Что?! – в ужасе воскликнул Акбалта. – Вы пойдете к Алооке?

- Да!

- Алооке не то, что не выслушает, а сразу прикажет вас распять! Неужели думаете, что он не знает того, что после смерти Орозду именно вы управляете кыргызами? И организовали нападение на караван тоже вы? – вопросительно посмотрел на Бая Акбалта.

- По-моему, ему все это известно!

- Тогда почему вы хотите поехать к Алооке? От этого не будет никакой пользы. Ваша жертва будет напрасной. Вы не сможете ни остановить нападение калмаков, ни спасти кыргызов от истребления!

- Хорошо, я не поеду. Что тогда делать?

Акбалта ненадолго задумался и ответил, заикаясь:

- К Алооке поеду я!

- Ты?! – с улыбкой спросил Бай.

- Да, я!

- Если поедешь, рассчитываешь вернуться живым-здоровым? Китайцы наверняка знают от своих лазутчиков, что ты один из предводителей кыргызов?!

- Наверное, знают?!

- Раз ты все это понимаешь, какого хрена говоришь, что поедешь к калмакам?!

- Да, поеду! – заупрямился Акбалта. – Правильно, я один из предводителей кыргызов. Однако, в отличие от вас, не самый главный. Поэтому, лучше мне поехать к калмакам, а не вам. У меня больше шансов остаться невредимым от их рук.

Бай с умилением посмотрел на него.

- Благодарю тебя, брат, за такие решительные слова и твою непоколебимость! – ласково сказал он. – Пока есть такие джигиты, как ты, кыргызов никто и никогда не сможет победить!

- Значит, к Алооке поеду я? – обрадовался Акбалта.

- Нет! Поеду я!

- Почему?!

- Брат! Во-первых, я старше вас всех. Мало ли, много ли, я прожил побольше вас. Как говорится, вволю поел, попил. А вы еще молоды. У вас еще один лепесток из десяти не раскрылся. Во-вторых, окончательное решение о нападении с целью возврата казны принимал

я. Поэтому, главную ответственность за его трагические последствия должен нести тоже я. Поехать к Алооке – моя обязанность!

- Брат! – начал свою речь Акбалта.

Однако Бай не дал ему договорить.

- Все, хватит! – отрезал он. – К Алооке поеду я. Это – самое правильное, верное решение. Кроме того, есть еще одна важная причина для такого шага.

- Какая причина? – с огорчением спросил Акбалта.

- Не забывайте. Главная цель поездки к Алооке – не пасть от его руки, а спасти кыргызов! Если поедешь ты, Акбалта, из-за молодости и горячности можешь наговорить ему резких слов. Тогда Алооке рассвирепеет и прикажет убить тебя. Я же оплошности такой не допущу. Может быть, я смогу найти общий язык с этим ублюдком и спасти народ от гибели?!

Как ни просили, ни умоляли братья, Бай не отказался от своих намерений.

- Нет, братья! – твердо сказал он. - Пусть я погибну. Однако я обязан отвести беду от народа, хоть ценой своей жизни, пока калмаки не истребили всех!

После этого, захватив с собой двух джигитов, Бай отправился в Анжиян к Алооке. Услышав о приезде кыргызов, хан был безмерно удивлен.

- Ты правду говоришь?! – спросил ошарашенный Алооке у принесшего эту весть охранника. – Приехавшие действительно кыргызы?

- Да, мой хан! – с поклоном ответил охранник. – Один из них представился, как Бай.

- Оказывается, к нам приехал главарь кыргызов, негодяй Бай собственной персоной! – в свою очередь удивился стоявший рядом с Алооке Иранкудук. – Приехал, не боясь, как ни в чем не бывало, после всего случившегося! Прямо-таки великан, гигант, этот проходимец!

- Сейчас и выясним, кто он - великан или шакал! – с угрозой сказал Алооке. – Тащите ко мне кыргызов!

Через некоторое время охранники привели одетого в белый калпак, новый синий халат, коричневые штаны и красные сапоги Бая. Он поклонился низко, на что Алооке ответил надменным слабым кивком. Увидев суровый вид хана, Бай убедился в точности своих мрачных предчувствий.

“Кажется, плохи мои дела?! – с тревогой подумал он. – Вид у Алооке очень свирепый, того гляди, проглотит меня! Один Всевышний знает, выйду ли я отсюда живым. Что поделаешь?! Двум смертям не бывать, а раз – все равно не миновать! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! До последнего вздоха буду бороться за то, чтобы достигнуть поставленной цели и спасти кыргызов от гибели!”

Потеряв надежду остаться в живых, Бай заметил в себе какое-то странное изменение. Если до приезда сюда он хоть немного боялся за себя, теперь совсем позабыл о себе. Ему стало все равно, останется он живым или нет. Бай решил направить все силы и волю на спасение своих соплеменников.

“Когда зверей загоняют в ловушку, они, презрев опасность, бросаются без страха на преследующих их охотников, стараясь найти выход из опасного положения! – с грустью подумал Бай. – Видимо, я тоже дошел до такой точки! Вот и мне пришлось на себе познать, что это такое - бесстрашие загнанных в угол зверей!”

Перестав беспокоиться за себя, кыргыз спокойно посмотрел на калмака.

- Алооке хан! – сказал он. - Я предводитель кыргызов Бай!

- Я слышал это! – кивнул Алооке. – Ты управляешь кыргызами вместо Орозду. С какой целью ты приехал ко мне?

- Мой хан! Твои войска истребляют кыргызов от мала до велика, поэтому я прошу остановить их!

- А ты знаешь причину этого? – мрачно спросил Алооке.

- Нет! Не знаю!

- Он, негодяй, оказывается, не знает этого?! – гневно вскочил со своего золотого трона Алооке. - Кто ограбил казну, предназначенную в подарок Эсенкану? Вы, кыргызы или другие?

- Да, казну взяли мы! – запинаясь, ответил Бай. – Эти богатства были накоплены многими поколениями наших предков, поэтому было приказано вернуть их.

- А ты не знаешь, Бай – кто дал такой приказ?! – ехидно спросил Алооке.

- Я! – бесстрашно ответил Бай.

- Молодец, мой кыргыз! – с издевкой произнес Алооке. – Ты сказал правду. Я люблю и уважаю честных людей. Поэтому, я прикажу воинам убить тебя не больно! Ты быстро окажешься на том свете у своих предков, накопивших казну!

После таких страшных, жестоких слов у Бая екнуло сердце. Однако, будучи готовым к такому повороту событий, он быстро взял себя в руки.

- Богатырь! – степенно сказал Бай. – Если ты действительно ценишь честь своего ханства, для завоевания стоит вся кыргызская земля! Если хочешь, чтобы у тебя был подвластный народ, перед тобой стоят покоренные кыргызы! Да, золотой караван ограбили мы. Ты приказал своим войскам отомстить нам и получил добычу, превышающие нашу казну в десятки, сотни раз. Поэтому останови это истребление и пожалей мой невинный народ. Если хочешь наказать за казну, наказывай меня! Во всем виноват я! И за все ответить должен тоже я! Вот, отруби мою голову! Но не трогай кыргызов! Пощади их, повелитель!

Алооке привстал со своего места, желая что-то сказать. Но, отказавшись от своего намерения, он обратился к стоявшему рядом Иранкудуку.

- Что ты на это скажешь, мой монах? – спросил Алооке.

- Мой хан! – поклонился одетый в синий халат и остроконечный колпак Иранкудук. – За такое неслыханное, дерзкое преступление этого негодяя надвое рассечь мало. Однако, нельзя признать правоту его слов. Мы можем остановить истребление, так как с лихвой возместили свои убытки!

- Что?! – гневно посмотрел на него Алооке. – Не уничтожив врага полностью, ты начал жалеть их?

- Да!

- Ты же призывал несколько дней назад полностью убить бурутов?! – свирепо набросился на монаха Алооке. – Почему ты отказался от своих намерений, монах?

- Я отказываюсь от слов, сказанных в гневе.

- Почему?

- Мы полностью отомстили кыргызам, получили богатую добычу и уничтожили всех их богатырей. У кыргызов остались лишь старики, да малые дети. Они не смогут нам теперь ничем угрожать. Однако, тебе, мой хан, нужны рабы, чтобы пасти скот, рабыни, чтобы выносить золу и зависимый народ, чтобы платить налоги. Поэтому, еще раз повторяю – останови бойню!

Одетый в калмакскую четырехугольную, увенчаную лисьим хвостом черную шапочку Алооке, поглаживая правой рукой черные с проседью усы, на мгновение задумался.

- Ты прав, монах! – сказал он. – Я издам соответствующий приказ и остановлю погромы!

“Слава Всевышнему! – про себя обрадовался Бай. – Пусть остановится война. Через пару лет мы придем в себя. И тогда снова сразимся с этими подлецами, чтобы вернуть родные земли и обрести свободу!”

Как бы услышав эти мысли, Алооке ухмыльнулся.

- Все будет не так, как ты думаешь, мой кыргыз! – насмешливо произнес он. – Я один раз уже пожалел вас, но теперь такого не будет. Если я не разгоню ваш табун на все четыре стороны, вы не дадите мне покоя. Как только придете в себя, нападете на нас. Поэтому, я прогоню вас с насиженных мест, чтобы Ала-Тоо не достался не только кыргызам, но и самому моему близкому другу!

Как и говорил Алооке, десять сыновей Орозду были сосланы в десять разных мест. Народы Текечи и Шыгая были изгнаны за Ооганстан в Эрен, Жамгырчы - в пустыни Самарканда за Анжияном. Алооке отправил Усена и Кызылбека на самый север Бээжина за Кангай, младшего брата Орозду - Бая в Кашкар, разделив сорок племен кыргызов на сорок частей, тем самым лишив их родных мест.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Отправляя кыргызов в изгнание, Алооке особенно взъелся на Жакыпа и Акбалта. Он приказал стражникам гнать их днем и ночью без остановки.

- Пока не отведете кыргызов на расстояние двухдневного пути от Ала-Тоо, не давайте им нигде останавливаться! – мрачно изрек Алооке начальнику стражи. – Свяжите им руки сзади и не давайте пить! Гоните их по бескрайним степям и обжигающей пустыне без передышки, без отдыха и покоя!

Иранкудук был поражен этими словами.

- Мой хан?! – вопросительно посмотрел он на Алооке. – Почему вы так жестоко относитесь к Жакыпу?

- Я хочу поселить страх в его сердце! – хмуро ответил Алооке.

- Почему?

- Он, как старший сын Орозду, в свое время займет место отца и продолжит его дела. Жакып сейчас молод. Однако, повзрослев, он может стать ханом кыргызов. До этого я должен воспитать его в нужном русле. Надо запугать Жакыпа, поселить страх и почтение в его сердце, чтобы у него и мысли не возникало выступить против нас!

- А-а! - усмехнулся Иранкудук. – Я понял вашу цель, мой хан. “Кого забодали теленком, тот и будучи быком, будет бояться!” – говорят у кыргызов. Вы хотите запугать Жакыпа сейчас, чтобы он, когда станет быком, не смог поднять на нас руку?

- Так точно, мой монах!

- Народ калмаков должен безмерно благодарить Бога, что он дал им такого мудрого, умного и прозорливого правителя! Живите тысячу лет, мой хан! – с раболепием воскликнул Иранкудук.

После этого началась подготовка к выполнению приказа хана. Скарб сорока семей кыргызов был погружен на шесть волов и четыре мула. Чтобы поить изгнанников по дороге молоком, было выделено три коровы и шесть коз. Затем им всем крепко связали руки за спинами.

Когда все было готово к отправке, Алооке еще раз строго предупредил рыжего, огромного, как вол, начальника стражи.

- Чтобы не было никакого мягкого отношения к кыргызам! – сурово приказал он начальнику. – Гоните их и днем, и ночью! Не говорите им, куда их везете и не разговаривайте с ними. При попытке к бегству или сопротивлению убивайте кыргызов без раздумий! Кто нарушит эти предписания, будет жестоко наказан!

Воины, одетые в синие шлемы и с длинными копьями в руках, исполняя приказ, два дня без остановок гнали кыргызов через холмы, безводные, бесследно исчезающие речушки и иссушающие пустыни, куда даже стервятники не залетают, опасаясь обжечь свои крылья.

Изгнанники перенесли огромные муки. От усталости, не в силах идти, плакали дети. Это приводило кыргызов в отчаяние, ибо они были не в состоянии облегчить их страдания. У всех прохудились кожаные чокои*, так что пятки их кровоточили, иссеченные неровной, каменистой дорогой. Со связанными за спины руками, кыргызы были лишены возможности отойти к обочине дороги и вынужденно справляли нужду под себя.

Их лица посерели от пролитых слез и пыли бесконечных степей, а сами они дошли до крайней степени изнеможения. Только когда перестал виднеться вдали Ала-Тоо, калмаки развязали им руки и устроили привал на берегу грязного озера, с водой цвета желтых сливок.

Измученные долгой дорогой кыргызы умылись водой и стали приводить себя в порядок. Затем, раздробив камнями куруты*, они жадно зажевали их вперемешку с зачерствевшими за два дня пути краюхами хлеба и кое-как утолили свой голод. Не зная, куда их ведут, они изнывали от безвестности. Желая узнать об этом, кыргызы отправили к калмакам посеревшего от пыли и пропахшего потом Жакыпа.

- Куда вы нас ведете? – усталым голосом спросил он у начальника стражи. – Сколько дней нам еще идти?

- Вы все узнаете в свое время! – нехотя ответил длинноусый начальник. – Нам запрещено с вами разговаривать, поэтому не спрашивайте нас ни о чем. Все равно не получите никакого ответа!

Когда Жакып, вернувшись к кыргызам, передал ответ калмаков, Акбалта, только что снявший прохудившиеся сапоги и с наслаждением вытянувший на зеленой траве свои обессиленные, разбитые ноги для отдыха, горестно покачал головой.

- Мало того, что калмаки изгнали из дома, подвергнув стольким страданиям, так они еще решили нас помучать неизвестностью?! – тяжело вздохнул он.

- Да! – горестно ответил Жакып. – Они хотят, чтобы мы извелись от отчаяния и переживаний.

- Так и происходит! Куда едем, с каким народом встретимся, какие дни нас ожидают – этого, кажется, не знает никто, кроме Всевышнего!

- Что бы ни произошло, давайте надеяться на хорошее! – попытался успокоить Акбалту Жакып. – Хорошие намерения – половина блага! Может быть, на новой земле мы найдем свое счастье и станем сильнее прежнего!

- Пусть все будет так, как ты говоришь, брат! – с надеждой сказал Акбалта. – А до этого помолимся, чтобы Бог даровал нам удачу от невзгод и горестей!

К сожалению, все произошло не так, как надеялись кыргызы. Из-за иссушающего зноя бесконечных степей и жарких пустынь, где не росла никакая растительность, кроме сухих колючек, шесть коз перестали давать молоко, так что кыргызы вынуждены были их зарезать. Три дойные коровы заразились ящуром и их также пришлось забить. За ними пали четыре мула.

Как будто было мало этого, от лишений дальней дороги стали умирать старики. Увеличилось количество умерших малых детей, не вынесших голода. Кыргызов, отправленных в дорогу ранней весной, с каждым днем становилось все меньше и меньше. Прошло шесть месяцев с их изгнания из Ала-Тоо, когда наступила осень.

За это время изгнанники преодолели засушливые пустыни, прошли Эчки-Олбос, Кордой, Манкан, перевалили начало Иле, Уч-Арал, Огуз-Ашуу, Тай-Ашуу, Кичи-Жылдыз, Чон-Жылдыз и наконец, достигли местности Ак-Талаа в Алтае.

Стражники, отдав приказ о привале уставшим кыргызам, сами также стали готовиться к отдыху.

- Куда мы пришли? – спросил Жакып у начальника стражи.

- В Ак-Талаа! – ответил начальник.

- Куда теперь пойдём?

- Никуда. Новым стойбищем для вас будет Ак-Талаа!

- Мы что, дошли до предназначенной нам земли? – обрадовался Жакып.

- Да! – улыбнулся обычно хмурый начальник стражи. – Алооке приказал нам довести вас до этих мест!

- Слава Всевышнему!

Взволнованный Жакып бегом возвратился к своим землякам и сообщил им радостную весть.

– Родные мои! – закончил он свою краткую речь. – Завтра на рассвете получше рассмотрим нашу новую родину! Сейчас уже поздно. Поужинайте и отдыхайте!

Обрадованные кыргызы после ужина улеглись спать. На следующий день, на рассвете старцы, Акбалта и Жакып, осматривая окрестности, прошли по всей округе. Ак-Талаа оказался холмистым, болотистым, закамышованным местом. Его окраиной был Алтай. За Алтаем простирался Саян. Преодолев Саян, можно попасть в Эне-Сай, Минсуу.

Акбалта с целью получения дополнительной информации о земле, на которой они оказались, обратился с вопросом к начальнику стражи.

- Мы здесь останемся? – спросил он.

- Да!

- В этих местах живут люди?

- Да!

- Кто именно?

- Калмаки, жоржоны!

Не задавая больше вопросов, Акбалта и Жакып продолжили знакомство с новым местом. Они выяснили, что на склонах Ак-Талаа растет ковыль, а отроги в большом количестве покрыты метлицей, щавелью и ревенем.

- Хорошо, что всего этого здесь вдоволь! – обрадовался Акбалта. – Будем давать их детям вместо молока.

- Да! – ответил Жакып. – Пока не обзаведемся жилищем и скотом, можем временно обходиться этим.

Пройдя немного подалее, они увидели растущую полынь. По краям болота густо рос камыш. Пройдя вдоль желтых вод родника, они увидели густые заросли горной ивы. Преодолев холмы, в густых лесах джигиты обнаружили пасущихся газелей, маралов, оленей и косуль.

За ними кыргызы увидели бесчисленные стада одичавшего скота тыргоотов, калмаков и жоргонов.

- Хвала Создателю! – с благодарностью молвил Жакып. – Если обживемся, местные условия подходят и нам, и скоту. Здесь обширные пастбища для живности. Из растущего вдоль болот камыша мы можем построить временные жилища.

- Правильно! – поддержал его Акбалта. – Из ивняка можем сделать жерди и канаты для устройства юрт, пока не обзаведемся скотом. Будем охотиться в лесах на косуль и оленей, ловить рыбу в реках и употреблять их в пищу.

Потерявшие было надежду на будущее кыргызы таким образом смогли осесть в этих местах и продолжить свое существование. Переговорив с местным населением, они устроились к ним доярками и коневодами. Позже кыргызы обнаружили золотоносную жилу и начали ее осваивать.

Кара калмаки и манжуу не знали земледелия, поэтому кыргызы на следующий год начали возделывать земли. Посеяв пшеницу, они получили белый хлеб. Вознаграждением за неустанный труд стало то, что кыргызы снова обзавелись скотом и провиантом.

Из изгнанного народа самым состоятельным стал Жакып, у которого только накопленного золота было семь домов, а скота – бесчисленное множество. Однако, несмотря на свое богатство, он долгие годы оставался бедетным.

Глава 2. РОЖДЕНИЕ МАНАСА

Недалеко от аила Жакыпа раскинулось поле с густой травой, с севера окруженное высокими горами, а с юга – зелеными холмами. Стоял ясный весенний день и солнце ласково согревало теплыми лучами все вокруг. По небу только изредка проплывали небольшие пушистые

белые облака. Ничто не нарушало тишину, кроме окриков пастухов, зорко следящих за отарами пасущихся овец с помощью больших черных собак-алабаев.

Ближе к полудню на невысокий зеленый холм, расположенный на краю поля, по узкой проАилчной дороге, на коне Туучунак, не спеша взобрался Жакып. Он был одет в белый калпак, синий халат и в сапоги из мягкой красной кожи. Достигнув вершины, старик спешил и с удовольствием присел на небольшой черный камень.

Время внесло большие изменения в облик Жакыпа. Если раньше он был стройным юношей, то теперь располнел. Его усы, борода, волосы покрылись сединой, а лицо испещрили глубокие старческие морщины.

Увидев поднявшегося на холм Жакыпа, к нему тут же подскочил на коне смуглолицый, поджарый, скуластый старший пастух Кубат. Поднявшись на вершину, пастух поспешно прыгнул на землю и низким поклоном приветствовал хозяина:

- Ассаламу алейкум, бай!

- Валеюкум ассалам, Кубат! – ответил ему Жакып.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Затем пастух снял свой вылинявший под жаркими лучами солнца и каплями дождей старый черный халат. Он постелил его на землю, на который уселся Жакып.

Вернувшись к коню, Кубат вытащил из прикрепленного к седлу курджуна две глиняные, коричневые чаши и желтый бурдюк с кумысом. Присев рядом с хозяином, тщательно взболтав бурдюк, он налил в чаши кумыса и протянул одну из них Жакыпу. Старик молча принял его и стал не спеша пить прохладный напиток.

Выпив половину кумыса, Кубат осторожно обратился к Жакыпу:

- Бай, вы пришли ко мне по делу или просто так?

- Надоело лежать дома, поэтому решил немного проветриться – ответил Жакып. – Как овцы, живы-здоровы?

- Да, все в порядке! – бодро ответил Кубат, наполняя снова чаши кумысом. – Слава Всевышнему, зиму пережили хорошо. Теперь можно не опасаться падежа.

- Это правда, Кубат! – тяжело вздохнул Жакып. – Овец падеж обойдет, наоборот, теперь они будут только размножаться. Один я не размножусь. По всей видимости, мне суждено покинуть этот мир бездетным!

Кубат, не зная, что сказать, снял с головы изношенный белый калпак. Он почесал голову и с сочувствием посмотрел на Жакыпа.

- Не огорчайтесь, бай! – сказал Кубат. – Бог даст, у вас еще будут дети!

Старик печально покачал головой.

- Э-э, Кубат?! – уныло произнес он. – Хотя мне в этом году исполнилось пятьдесят лет, до сих пор у меня нет детей. После смерти отца Орозду наши враги, калмаки, пропади они пропадом, напали на Талас. Они отняли у нас земли и изгнали из Ала-Тоо сюда – на Алтай. Я до сих пор не знаю, где находится мой дядя Бай и другие братья. А сам я обосновался здесь.

- Несмотря на то, что лишились Родины, счастье не покинуло вас и вы разбогатели, хозяин! – постарался подбодрить Жакыпа Кубат. – В настоящее время вы самый богатый человек из местных кыргызов!

- Хвала Всевышнему, удача сопутствовала мне! – согласился Жакып. – Земледелием и освоением золотоносных приисков я сумел нажить немалое добро! Однако, сколько бы времени не прошло, тоска по братьям снедает мое сердце. Неужели мы на всю жизнь будем терпеть унижения от всяких встречных, поперечных и навсегда останемся здесь? Или нам суждено вернуться на землю предков, где мы явились на этот свет, в наш родной Ала-Тоо? Тревожные мысли о том, появится ли богатырь, который соберет воедино разрозненных кыргызов, защитит их достоинство и честь, вконец иссушили мое разбитое сердце!

- Вы правы, бай! – со вздохом произнес Кубат. – Появления такого богатыря ждет с нетерпением и надеждой весь кыргызский народ.

Пастух снова наполнил чаши кумысом из бурдюка. Жакып, сделав два-три глотка, вновь с печалью в глазах посмотрел на Кубата.

- Да! – продолжил свою речь бай. – Как ты сказал, мало кто сможет потягаться со мной по богатству. Однако у меня до сих пор нет детей. Когда китайцы изгнали нас, я женился на Шакан - вдове младшего брата моего отца Чыйыра. Ее все называют сейчас Чыйырды. Затем я женился на Бакдоолот - дочери манжуйа Чаяна, сына Бойона. К сожалению, обе они не смогли мне подарить ребенка. Из-за этого я все больше прихожу в уныние и жизнь моя проходит в печали!

- Не горюйте, бай! Бог даст, будут у вас еще дети! – с сочувствием посмотрел на старика Кубат.

- Откуда?! – снова горестно вздохнул Жакып. – Я сам и мои жены уже постарели. С молодости, накапливая богатство, я не задумывался о детях. Как сейчас подумаю, все, что я сделал, оказалось суетой сует. Я слишком поздно понял, что настоящие хозяева богатств человека – это его дети! Если у тебя нет ребенка, все твоё состояние гроша ломаного не стоит и оно сродни разгромленной крепости!

От жалости к себе Жакып громко разрыдался. Он встал с места, вскочил на коня и галопом направился домой.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Когда Жакып подъехал к айлу, навстречу ему выехал на вороном жеребенке смуглый, худощавый, скуластый, одиннадцатилетний Мендибай. Увидев плачущего старика, одетый в белый калпак, старую белую рубашку, черный халат и черные сапожки мальчик был поражен.

- Бай! – сказал он. – Почему вы плачете? Что с вами случилось?

При виде Мендибая у Жакыпа еще сильнее защемило сердце.

«О-о, горе мне! – чуть не взвыл от обиды старик. – Ну, почему Всевышний вместо богатства не дал мне такого ребенка, как Мендибай?! Если бы он встречал меня с криками «отец», я считал себя самым счастливым человеком на свете?! О-о, Боже! Какой же я несчастный!!!»

Не в силах ответить на вопросы ребенка, Жакып заревел еще горше. Забыв привязать коня, он с громкими рыданиями вошел в свой дом. Его юрта располагалась в центре аила. Внутри она была застелена толстой кошмой, а поверх нее - дорогими коврами и разноцветными одеялами. На двух больших сундуках, по краям отделанных желтым металлом, а с лицевой стороны разукрашенных ажурным орнаментом, высились аккуратно разложенные белоснежные подушки и тюфяки. Подвешенные к потолку светильники ярко освещали дом. В очаге, устроенном посередине юрты, тлели раскаленные докрасна угли, обогревая помещение. Только изредка тонкие струйки дыма медленно выходили через круглое отверстие на потолке, улетая в синее безоблачное небо.

Войдя в дом, Жакып увидел, что его жена Чыйырды - светлолицая, среднего роста, черноволосая, черноглазая, немного полноватая, миловидная женщина примерно сорока - сорок пяти лет – задумчиво сидела, неторопливо расчесывая волосы золотым гребешком.

Одетая в длинное красное платье и черный камзол Чыйырды при виде Жакыпа быстро поправила волосы, накинула на голову большой белый платок с красными цветами и встала с места. Когда она заметила покрасневшее лицо и заплаканные глаза мужа, у нее невольно екнуло сердце от дурного предчувствия.

- Бай, что с вами случилось? – обеспокоенно спросила она. – Почему вы плачете? Расскажите нам о причине вашей печали?!

- Какая же ты глупая женщина?! – сердито ответил Жакып. – Ну, что ты за человек? Чем ты кичишься, если у тебя нет детей и некого тебе приласкать? Весь народ говорит, что ты

бесплодная. Из-за тебя и Бакдоолот не может родить. Вспомнив все это, я невольно разрыдался от обиды и огорчения, что Бог так меня обделил!

Усевшись на постель, он с раздражением посмотрел на Чыйырды. Она стояла ошеломленная, как будто ее крепко хватила обухом по голове. Ее большие, красивые глаза наполнились слезами. Чтобы не разрыдаться перед мужем, старуха с трудом взяла себя в руки.

- О-о, Боже мой! - проговорила Чыйырды с мукой в голосе. – Зачем ты привел меня на этот свет? Неужели только для горя и печали тебе понадобилась такая старуха, как я? Мне уже почти пятьдесят лет, а я до сих пор не испытала счастья материнства!

До глубины души потрясенная женщина, как бы вспомнив о чем-то, посмотрела на Жакыпа со злобой.

- А почему твоя обожаемая жена Бакдоолот до сих пор не родила? – с раздражением спросила она. – Ведет себя так, как будто подарила тебе ребенка?! Бедная моя головушка! Все у меня не так, как у людей. Уже в ранней юности осталась вдовой, а теперь прослыла бесплодной. Дерево без плодов сгодится только на дрова. А если женщина не можешь родить, то грош ей цена!

Чыйырды, не присаживаясь обратно, разрыдалась навзрыд. Не зная, как успокоить ее, Жакып повесил голову и уныло уставился затуманенным взором на землю.

В этот момент в юрту вошла младшая жена Жакыпа Бакдоолот - высокая, скуластая, светлолицая женщина примерно тридцати-тридцати пяти лет, с белым тюрбаном на голове. Она была одета в длинное красивое красное платье и красную безрукавку. На ногах у нее были красные сапожки без каблуков. Несмотря на солидный возраст, на ее лице не было ни одной морщинки, так что незнакомый с ней человек дал бы ей от силы двадцать пять – двадцать семь лет.

Бакдоолот подошла к Чыйырды и сердито обратилась к ней.

- Я слышала все ваши слова! – сказала она. – Однако, Бог даст, у меня еще будут дети, ибо я молода. А вы, вместо того, чтобы удавиться от стыда от своей бесплодности, наговариваете на меня! Упаси Бог кому-нибудь оказаться на вашем месте!

Чыйырды, прекратив свой плач, с гневом посмотрела на Бакдоолот. Но та, резко развернувшись, молча и гордо вышла из юрты. Еще больше распалившись от дерзкой выходки младшей жены, Чыйырды разревелась еще пуще прежнего. Упав перед стопкой постели и воздев к небу руки, старуха взмолилась богу.

- О-о, Всевышний! – с горечью произнесла она, заламывая от отчаяния руки. - Возьми весь мой скот, все мое имущество! Но оставь моего старика, дай нам ребенка! Если исполнишь мою мольбу, я ничего не пожалею для тебя, о-о, Всевышний!

Все еще всхлипывая, Чыйырды уткнулась лицом в постель. Незаметно для себя заснув, она увидела странный сон. Во сне к ней подошел седобородый, в белой чалме древний старец и протянул ей белое яблоко.

«Меня, чтобы вы со стариком не плакали, прислал Всевышний! – торжественно произнес он. - Вот, съешь предназначенное тебе большое белое яблоко! Уразумей то, что я говорю. Оседлай, вместо коня, дракона в шестьдесят локтей!»

Когда Чыйырды съела яблоко, наполнив свой живот, из-под ее подола со свистом вышел дракон в шестьдесят локтей. Рассвирепев, он начал засасывать весь подлунный мир. Сама старуха также начала увеличиваться в росте.

Дойдя до ста тридцати локтей, Чыйырды в испуге проснулась. Открыв глаза, она увидела себя дома в постели, рядом с Жакыпом. Старуха очень удивилась увиденному. Обратившись к Богу, она истолковала к хорошему свой сон.

Когда она собиралась снова заснуть, в юрту внезапно пришла мать Мендибая Бегимжан. Оказывается, Жакып, вернувшись домой заплаканным, оставил без привязи Туучунака. Когда он, волоча за собой поводья, пошел из двора, Мендибай на жеребце погнался за ним и пропал.

Испугавшись за ребенка, Бегимжан пришла к Жакыпу и увидела его беззаботно храпящим в постели. Одетая в красное платье и красный камзол женщина, разъярившись, набросилась на Чыйырды:

- Что с твоим баем? Спит, как будто ничего не произошло?!

- Почему он не должен спать? – удивилась старуха.

- А что, вы ничего не знаете?! – дерзко ответила немного взбалмошная Бегимжан. – Днем твой бай оставил без привязи Туучунака. Мендибай поскакал за ним. Уже полночь, а его до сих пор нет.

- Очень плохо! – с огорчением покачала головой Чыйырды.

- Это все, что ты можешь мне сказать? – стала орать во все горло вся красная Бегимжан. – Что мы, зависимые вам рабы?! Почему не привязывают вашего кабаноподобного коня твои сорок-пятьдесят слуг? Также у вас есть высокомерная младшая жена Бакдоолот. Почему она не следит за конем? Разбуди немедленно Жакыпа! Пропал мой одиннадцатилетний сынок, а вам хоть бы хны! Кичишься, что ты старшая жена бая, никого не признаешь. Изначально бесплодная, разве ты в состоянии оценить, что значит для матери ребенок? Есть разбойники, воры, рычащие тигры и свирепые кабаны. Что, если они встретятся Мендибаю посреди ночи? Если что-нибудь с ним случится, я вас в покое никогда не оставлю! Все твои тысячные табуны не стоят и мизинца Мендибая. Если он умрет, я до самой своей смерти буду мстить вам. Уже полночь и звездами полно небо. До сих пор нет никаких вестей и никто не ищет сына. У меня нет возможности, не откладывая, начать поиски. Я одинокая, несчастная женщина! Разбуди Жакыпа, пусть он найдет Мендибая!!!

Высказав еще кучу таких обидных, оскорбительных слов, Бегимжан выплеснула всю свою желчь. И так опечаленная отсутствием детей, Чыйырды еще пуще огорчилась. Сердце ее болезненно сжалось из-за того, что невоспитанная женщина наговорила ей много гадостей. Однако, понимая тревогу бедной матери за своего сына, Чыйырды проглотила обиду и сдержала слова, готовые вырваться в ответ.

После того, как ушла Бегимжан, с трудом разбудив Жакыпа, старуха заплакала навзрыд:

- Оказывается, как бы ты богат ни был, если у тебя нет детей, грош цена всем твоим словам!

- Что случилось? – удивился Жакып.

Рассерженная Чыйырды рассказала мужу о визите Бегимжан:

- Она всю ночь проскандалила, требуя найти Мендибая и вдоволь оскорбила меня!

- Не огорчайся, старуха! – ласково улыбнулся ей лежавший на боку Жакып. – Мне приснился удивительный сон. Во сне я приобрел птицу сладкоголосую, белоснежнее лебедя, грознее беркута и направил на благодатную землю. Я опоясал его ноги шелковым поясом в шестьдесят локтей, кормил лунным светом и очень заботился о нем. Видя грозный вид моей птицы, останавливались в небе налету все пернатые и замирало на земле все живое. Тогда приготовил я для него насест, а рядом привязал сокола с полосатой шеей!

- Меда в твои уста, мой старик! Бог усадил на твою голову птицу счастья! Исполнятся все твои заветные желания! – сказала Чыйырды, воспрянув духом.

Затем, подойдя к Жакыпу, она с волнением проговорила:

- Бай! Я тоже видела странный, удивительный сон.

- Какой сон?

Чыйырды рассказала, что во сне съела белое яблоко и родила дракона.

- О-о, боже мой! – покачал головой Жакып, неподвижно сидевший в постели. – И такое, оказывается, бывает. Что теперь нам делать?

Чыйырды, перестав плакать, утерла слезы и посмотрела на мужа с улыбкой.

- Мой бай! – сказала она. – Чтобы наши сны стали вещими, надо зарезать хотя бы сорок-пятьдесят голов скота, устроить пир и получить благословение народа!

- Что?! – изумился Жакып. - Ты что, ума лишилась? Чтобы зарезать столько скота, что, я победил мангулов, китайцев единолично? Зачем мне нести такие расходы, если у нас нет не то что сына, а даже дочери?! Если изведу весь скот, что я буду делать с твоим ребенком? Пусть дети будут со скотом, скакуны с гривой и пусть каждый занимается делом, по мере своих сил!

- Бай! Не жмитесь, нарежьте сорок кобылиц! – упрямо повторила Чыйырды.

- Все, не говори глупостей! Надоели мне твои слова! – еще больше рассердился Жакып.

Встав со своего места, он вышел и направился к Бакдоолот. Когда разгневанный бай подходил к юрте младшей жены, то внезапно услышал под ухом детский голосок:

- Отец, почему печалишься и сходишь с ума? Имея бесчисленные стада, жалеешь их, как последний крохобор?!

Жакып, опешив, с удивлением посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

«Нельзя мне было уходить от жены!» - подумал он в тихом ужасе.

Уронив непрошеную слезу, он поспешно пошел обратно домой.

Бакдоолот в это время только проснулась. Когда она встала, то услышала чьи-то шаги возле юрты. Однако никто не вошел в дом, а стал удаляться. Удивленная Бакдоолот выбежала наружу и увидела невдалеке Жакыпа.

- Добро пожаловать, бай! – приветствовала она мужа.

- Как ты, милая?! – ласково улыбнулся старик.

- Бай, вы на что-то злитесь? Вы почему-то сильно раскраснелись?!

- Я злюсь на слова старшей жены!

- Что она такого сказала, что вы так рассердились?

- Я ей рассказал свой ночной сон – начал объяснять Жакып. – Во сне я приобрел грозную птицу, которую боялись птицы в небе и звери на земле. Услышав об этом, она сказала, что тоже видела сон. Во сне она съела белое яблоко, после чего ее живот наполнился. Она родила дракона, который заменил ей коня.

- Боже мой, какие прекрасные сны! - восхитилась Бакдоолот.

- Чыйырды сказала то же самое!

- Так почему же вы злитесь?

- Как мне не злиться?! Чыйырды, чтобы эти сны стали вещими, предложила забить сорок кобылиц! Разве это дело?!

- Бай! – сказала Бакдоолот, задумчиво посмотрев на мужа. – Прежде чем ответить на этот вопрос, позвольте рассказать свой сон.

- И ты тоже видела сон? – удивился старик. – Пожалуйста, рассказывай. Слушаю тебя внимательно.

- В моем сне вы взяли правой рукой пятнистого ястреба и вырастили его с любовью. Куда бы вы его ни направили, все замирали перед вами. Если ястреб в доме начинал вырываться, остальные две мои птицы приходили в ужас и старались укрыться от него.

- Если видела такой сон, то пусть Бог тебе поможет в делах! Я очень удивлен. Чтобы сделать вещими эти сны, может, стоит забить побольше скота?

- Что жалеть этот бесчисленный скот, если он останется бесхозным? – горестно покачала головой Бакдоолот. – Сколько голов просила забить Чыйырды?

- Сорок жеребцов!

- Если она попросила забить всего сорок, то пожадничала! Мой бай, если ты не против, забей их восемьдесят!

- Что?! – вытаращил глаза Жакып. – Видимо, ты, как и Чыйырды, лишилась ума? Ты тоже говоришь, что надо забить скот. Что это за бред? Знаешь ли ты, что, если будешь заботливо ухаживать за скотом, он быстро размножится. А у кого много живности, тот и будет ханом! Я не буду слушать твоих безумных слов, жена и не буду трогать скотину! Если уйдет от меня богатство, мне придется влачить нищенское существование!

Бакдоолот, разрыдавшись, схватила за руку Жакыпа.

- Бай, что вы говорите?! – взмолилась она. - Вспомните о своем возрасте, о своих пятидесяти годах. Несмотря на богатство, вы столько слез пролили из-за того, что бездетны. Бай, прислушайтесь к словам старшей жены и забейте скот!

- Не говори глупостей! Я ничего не буду резать! – заскрипев зубами, ответил рассерженный Жакып.

Расправляя подол своего синего халата, он направился обратно домой.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Разозленного Жакыпа по пути домой встретила мать Мендибая. Рослая, смуглолицая, скуластая, дебелая Бегимжан по характеру больше похожа на мужчину. Большинство людей побаивались ее из-за острого языка - она говорила в лицо все, что думает.

Хорошо зная об этом, Жакып старался лишний раз не злить Бегимжан. Он понимал, что ссора с женщиной никак не может украсить мужчину, поэтому был осторожен с нею. Сейчас, увидев красную, с опухшими от слез глазами, холодно ответившую на его приветствие Бегимжан, Жакып почувствовал назревающий скандал из-за пропавшего ребенка. Опасаясь ее вспыльчивого характера, он постарался поскорее расстаться с нею.

- Сестренка, почему у тебя такой заплаканный вид? – как ни в чем не бывало, спросил Жакып. – Что с тобой случилось?

- А разве Чыйырды не сказала о том, что произошло?! – с трудом сдерживая свой гнев, спросила Бегимжан.

- Нет! – ответил Жакып, густо покраснев от лжи.

- Когда ночью я зашла, вы спали. Все, что я думала, высказала вашей жене и ушла.

- Что ты ей сказала?

- Вчера вы не привязали Туучунака. Когда он поскакал, волоча поводья, Мендибай на своем жеребце последовал за ним и пропал. Ни его самого, ни его коня с тех пор нет!

- Да, скверная история вышла!

- Я всегда уважала вас, обращалась к вам на “Вы!” – навзрыд заплакала Бегимжан. - А ты, не ставя меня ни в грош, плюешь на меня!

- Эй, что ты творишь?! – опешил Жакып. – Что я тебе плохого сделал? Я ведь всегда уважительно относился к тебе?

- Пропади ты пропадом со своим уважением, одинокий козел!!! – крикнула во весь голос Бегимжан. – Где мой сын? Найди его, негодяй!!!

- Думай, прежде чем что-то говорить, сестренка! – рассердился Жакып. – Разве я велел твоему сыну поймать коня? Он сам за ним поскакал!

- Старый пердун, не знающий цену ребенка! – пуще прежнего завывала Бегимжан. – Мы что, ваши рабы? Больше пятидесяти слуг у тебя. Почему не велел им привязать коня? Почему не велел своей высокомерной младшей жене присмотреть за проклятой скотиной? Что стало с Мендибаем за ночь? Есть двуногие животные, четвероногие хищники. Может, мой сын стал их пищей? Что, если из-за твоего несчастного коня мой ненаглядный Мендибай сгинул? Запомни! Если он пропадет, я тебя в покое не оставлю! Все твои бесчисленные стада не стоят даже мизинца Мендибая! Найди мне сына, вонючий, одинокий козел!!!

Когда, проклиная всех, Бегимжан пошла домой, Жакып до глубины души был задет и потрясен ее оскорбительными, ядовитыми словами.

«Оказывается, как бы богат ни был, если ты бездетен, все и гроша ломаного не стоит! - весь затрясся от обиды бай. – Посмотри-ка на слова этой нищей голодранки?! Весь мир, оказывается, не стоит и мизинца Мендибая, негодяйка! Значит, все мое богатство дешевле ее сопливого мальчугана?!»

Жакып сначала хотел пойти за невоспитанной женщиной, проломить ей голову и вырвать язык. Но, немного поразмыслив, он взял себя в руки и успокоился.

«Что ни говори, в словах этой ненормальной есть доля правды! – признал свою вину старик. – Ведь бедная женщина переживает из-за своего единственного сына. Ох, уж эти младшая жена и слуги! Если кто-нибудь из них вовремя привязал проклятого коня, не было бы этого скандала!»

При этих мыслях Жакып начал злиться на слуг и Бакдоолот.

«Из-за этих ослов мне пришлось услышать столько обидных, оскорбительных слов! – раздраженно подумал старик. – Теперь поздно переживать! Пока все не стало еще хуже, надо найти Мендибая!»

Тяжко вздохнув, Жакып пришел домой и попросил у одного из пастухов лошадь карачинской масти. Чтобы не замерзнуть ночью, он одел теплый халат и нахлобучил на голову старый белый калпак. Натянув на ноги плотные войлочные носки и сапоги красноватого цвета, Жакып взобрался на коня и отправился на поиски.

Выйдя вечером из аила, старик крепко призадумался, не зная, где искать ребенка.

«Куда мог ускакать Туучунак? – тоскливо подумал Жакып. – Мендибай поступил по-детски, опрометчиво. Откуда его жеребенку угнаться за моим конем?! Главное, чтобы он был жив-здоров. Если Мендибай стал жертвой хищников или пал от рук человеческих, Бегимжан меня живьем съест!»

Как будто мало было проблем старику, так ясное небо заволочло тучами и начался сильный ливень. До ниточки промокнувший, воющий, как вол, Жакып, проливая горькие слезы и проклиная все на свете, всю ночь вел поиски Мендибая. Он окликал его по имени во весь голос, заглядывал во все ущелья, леса, под каждый камень долины Салкындугу, но мальчика нигде не было.

На рассвете старик перешел через островок Ак-Оток. Когда на его другой стороне он приблизился к густому лесу, ближе к полудню навстречу внезапно вышел Туучунак.

Увидев наброшенную на него шкуру белого тигра, Жакып был безмерно потрясен.

«Видимо, Мендибая съел тигр! – с ужасом подумал он. – Горе мне! Что теперь делать? Видимо, когда тигр напал на ребенка, какой-то меткий охотник подстрелил его. Чтобы хозяин узнал коня, он накрыл его шкурой зверя. Теперь Бегимжан точно меня в могилу сведет!»

Ухватив коня и трясаясь от страха, Жакып собрался домой. В это время он увидел выходящего из леса на жеребенке Мендибая, одетого в белый калпак, черный халат и опоясанного широким черным ремнем. Он, как ни в чем ни бывало, беззаботно улыбался и светился всем ликом.

Подъехав к Жакыпу, Мендибай вежливо поздоровался с ним. Увидев живого, невредимого ребенка, Жакып, не веря своим глазам, спросил его удивленно:

- Эй, ты Мендибай?

- Да, это я!

- Слава Богу, ты жив-здоров! – не смог скрыть своей радости старик. – Что с тобой случилось? Где ты был всю ночь?

- Дядя! – с улыбкой ответил Мендибай. – Вы все время плачете, что у вас нет детей. А оказывается, у вас есть сорок сыновей!

- Что?! – разинул рот Жакып. – Какие-такие сыновья?

- Сейчас расскажу! Вчера, когда вы, плача, зашли домой, оставшийся без привязи Туучунак пошел из двора. Чтобы не упустить его, я вскочил на своего жеребенка и погнался за ним, решив вернуться назад, если он ускакал далеко. Я понимал, что не смогу догнать Туучунака на жеребенке. Преодолев один холм, я увидел, что он не убежал далеко и приближается к лесу. Понимая, что если Туучунак войдет туда, найти его будет очень сложно, я поскакал еще быстрее. Когда я уже приблизился к нему и хотел схватить его, случилась удивительная история.

- Какая история?

- Откуда ни возьмись, появились из леса сорок парней на резвых скакунах. С кличем “Манас!” , они напали на Туучунака. Испугавшись, конь вошел в лес. Перед ним появился тигр. Когда Туучунак в панике поскакал от него, тигр догнал его и зарычав, хотел завалить его. Ваш конь, повернувшись к тигру, лягнул его задними копытами. Одновременно один из сорока джигитов подскочил к ним и палицей ударил хищника по голове. От какого удара был убит тигр, я не заметил. Однако зверь упал замертво, это точно. Тот джигит освежевал тигра и снял с него шкуру. Он набросил ее на Туучунака. Затем джигиты накормили меня.

- Почему ты не сказал им, что тебя будет ругать мама и не вернулся домой, глупыш?! – пожурил ребенка Жакып. – Из-за тебя Бегимжан не спала всю ночь.

- Я сказал, дядя! – понуро опустил голову Мендибай. – Однако, представившие себя как “Сорок могущественных духов”, джигиты не отпустили меня. Мы играли всю ночь. Когда утром они меня вывели из леса, я обернулся, чтобы посмотреть на них, но никого из них не увидел. Я не понял, зашли они обратно в лес, или вознеслись на небо. Бай Жакып, дядя! Имея сорок таких сыновей, негоже печалиться на отсутствие детей!

Жакып, не зная, верить или нет словам ребенка, с удивлением посмотрел на него.

- Сынок! – проговорил старик хмуро. - Не говори глупостей. У меня нет не то что сорока сыновей, а даже одного. Не издевайся и не смейся над старым человеком. А теперь идем домой. Из-за тебя Бегимжан не дала мне всю ночь сомкнуть глаз.

- Нет, дядя! – поспешно ответил Мендибай. – Никто не смеется над вами. Я своими глазами видел сорок джигитов!

Жакып еще больше был огорошен. Если не верить словам ребенка, то существовала тигриная шкура, накрытая на Туучунака. А если поверить, то слова Мендибая уж больно смахивали на сказку.

«Главное, ребенок жив и здоров! – про себя решил Жакып. – Зачем я буду забивать голову остальным? Передам подобию-поздорову Мендибая его матери с рук на руки. А правдивость его слов покажет время!»

- Ночью мне послышался голос, зовущий отца, но никого я не увидел! – тяжело вздохнул старик. – Из-за страха мое сердце чуть не выскочило из груди. А теперь ты еще издеваешься надо мной, сынок! Разве, если бог даст мне ребенка, оскудеет его огромная казна?! Идем, сынок, домой.

Когда Жакып с ребенком через несколько часов пути вернулись домой, радости Чыйырды и Бакдоолот не было границ. Через некоторое время к ним прибежала вся взмокшая Бегимжан и увидев живого, здорового сына, не смогла сдержать слез. Увидев тигровую шкуру на Туучунаке, она стала, как вкопанная и вся задрожала.

- Никогда ночью не выходивший из дома, спавший беспробудно до полудня сынок, почему ты заночевал в открытом поле один? – с трясущимся от страха голосом завопила она. – Как ты спасся от этого тигра?

Понури голову, ребенок пересказал всю историю заново.

- Ты правду говоришь? – удивленно спросила Бакдоолот.

- Все, что я сказал - правда! – с раздражением ответил ребенок.

Понимая, что Мендибай огорчен тем, что взрослые не верят его словам, Жакып улыбнулся.

- Оказывается, твой сын очень простодушный и прямой – заступился он за ребенка. – Я верю в сказанное им. Ведь бог накажет, если он говорит неправду! Это что-то невероятное! Всевышний со вчерашнего дня дает нам знамения. Я и обе мои жены видели хорошие сны. Затем я слышал детский голос. А Мендибай рассказывает о сорока сыновьях. Что теперь нам делать?

- Бай, прислушайся к совету, не жалея, забей скот и устрой пир! – повторила свою просьбу Бакдоолот.

- Я согласен! – ответил загнанный в угол Жакып. – Однако, я не зарежу, как вы говорите, восемьдесят жеребцов. Как будто я угнал у калмаков коней, или жена родила мне сына, или пришла рать с Китая - я не буду направо-налево резать скот, как охотник, отстреливший на холмах сорок козлов! Поэтому забьем девять старых кобылиц, девяносто баранов, семь коров, двух верблюдов, пригласим на пир Акбалту, ученого Дамбылду, Бердике и попросим их растолковать наши сны!

XX

Известив о проведении пира, Жакып велел конюху Ийману, пастуху Байболу, старшему овцеводу Кубату, погонщику верблюдов Сарбану забить девять кобылиц, девяносто баранов, семь коров, двух верблюдов. Дожив до пятидесяти лет, Жакып не давал пиров, поэтому этому событию удивились все.

- Он что-то затеял! — зашушукались все.

Жакып, велел выкопать очаг, забив предназначенный скот, созвал двенадцать племен кыргызов, родственных казахов, мангулов, всех калмаков и устроил двухдневный пир. Раздал мясо всему народу и все вволю наелись-напились, довольные щедростью хлебосольного хозяина.

- Пусть останутся мои родственники! — объявил Жакып, когда все стали разъезжаться.

Приехавшим на пир детям бедняков бай подарил шелковые пояса. Кому не хватило их, получили по пять тенге* денег. Детей-сирот, не имеющих отцов, Бакдоолот и Чыйырды одели в халаты и дали каждому по половине туши барана, чтобы получить их благословения.

Когда приглашенные извне гости разъехались, Жакып пригласил к себе домой бая кыргызов Бактыгула, казахского старца Уйшуна, Байжигита из кыргызов, остролова Таза из кипчаков, Акбалту из нойгутов, богатыря Эштека из ногоев, сына турков Дамбылду, сына Тумонбая Абдылду и подарил им по паре сапог и парчовому халату.

После этого он начал свою речь, объясняя причину устройства пира,

- Братья! – сказал он. – Мне уже пятьдесят лет и я один из богатейших кыргызов. Однако, как говорится, «не все ладно в этом мире!» Всевышний до сих пор не дал мне ребенка. Я очень печалился по этому поводу. Несколько дней назад мне и моим женам приснились странные сны. Чтобы растолковать их, я и устроил этот пир. Все остались им довольны? – вопросительно посмотрел на окружающих Жакып.

Сидевший по правую руку от него смуглый, среднего роста, с проседью в усах и бороде, полноватый гость по имени Бактыгул ответил с улыбкой:

- Хвала Всевышнему, бай! Пир прошел отлично и весь народ остался благодарен вам! Правильно я говорю, братья?

Все сидящие дома гости загомонили:

- Правильно, все прошло просто великолепно!

- Я также благодарен вам! – довольно кивнул головой Жакып. - Большое спасибо вам за то, что откликнулись на мое приглашение. Теперь, с вашего позволения, расскажу свой сон.

- Говорите, мы внимательно слушаем вас, бай! – кивнул Бактыгул, одетый в красный камзол и белый калпак.

Жакып, отпив пару глотков из стоящей перед ним чаши кумыса, начал свою речь.

- Во сне я поймал грозную птицу! – сказал старик. – На ее ногу я повязал шелковый шнур. От его свирепого вида все птицы и звери робели перед ним. Я изготовил насест и посадил его туда вместе с белым соколом.

- А что приснилось вашим женам? – с интересом спросил Бактыгул.

- Старшая жена видела, что она съела яблоко. Через некоторое время из-под ее подола вышел дракон в шестьдесят локтей и со свистом встал перед нею вместо коня. А младшая жена

увидела двух птиц в доме, которых привязала вместе на изготовленном насесте. Что бы это значило? Растолкуйте эти сны, старейшины!

В доме на некоторое время воцарилась тишина и все стали переглядываться друг с другом. Тогда слово взял широкоплечий, высокого роста, скуластый Байжигит.

- Бай Жакып! – сказал он. - Ваш сон предзнаменует хорошие изменения в вашей жизни. Птица в вашем сне – это ребенок. Он завоюет все земли, куда простирается солнечный и лунный свет, в этом можете не сомневаться! А дракон в шестьдесят локтей и то, что повязали его шелковым шнуром, кормили торжественно лунным светом означает, что ребенок твой будет править народом и миром до шестидесяти лет. То, что твоя старшая жена оседлала его вместо коня – слава твоего сына распространится по всему миру. Он будет грозным, как дракон и сильным, как лев! Самые сильные люди мира сего будут отчитываться, а все подданные будут преклоняться перед ним. К нему снизойдет великая благодать, размером с черную гору!

Услышав такое толкование, Жакып от радости заплакал навзрыд.

- Спасибо за добрые слова, Байжигит! – проговорил он, проливая слезы. – Пусть сбудется все сказанное тобой!

Выплакавшись, осушив свои слезы и придя немного в себя, Жакып, как будто вспомнив о чем-то, вновь обратился к Байжигиту:

– Ты ничего не сказал о привязанном мною соколе?!

- Сокол – это девочка! – ласково ответил Байжигит.

Жакып кивнул головой и задал новый вопрос:

- Что означают две привязанные птицы во сне моей младшей жены?

Тогда Жакыпу ответил сидевший слева Дамбылда - светлицы, худощавый мужчина.

- Молодец, Байжигит! – похвалил он. – Ты очень хорошо растолковал сон! А две птицы во сне Бакдоолот – два сына, бай. Ваша младшая жена родит двух сыновей и они продолжают дело старшего брата! А теперь, друзья, дадим Жакыпу наше благословение!

Когда Дамбылда раскрыл свои ладони, все последовали его примеру.

- Бай! – сказал он. – Пусть Всевышний хранит тебя, чтобы твои сны стали вещими. Пусть он даст тебе детей, чтобы ты вместе с ними прожил счастливую жизнь! Аминь!

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Вскоре после пира, данного Жакыпом, у калмаков произошла удивительная история. Как и у других народов, у них были свои прорицатели и шаманы, предсказывающие будущее.

Иранкудук - один из таких людей. Через месяц после пира Жакыпа он поспешно отправился к Алооке. Оседлав коня, калмак рано выехал из дома. Проехав некоторое расстояние, он почувствовал озноб. Несмотря на летний период, небо было хмурым и дул прохладный утренний ветерок. Поглубже надвинув на лоб красный островерхий колпак, продрогший Иранкудук еще плотнее укутался в синий шелковый халат.

«Проклятье! – выругался про себя он. – Спросоня я не заметил такой пасмурной погоды. Иначе оделся бы потеплее. Может, вернусь домой и поеду к Алооке завтра?»

С наслаждением зевнув, Иранкудук вспомнил о срочном вызове Алооке и отказался от своего намерения.

«Нет! Если не поехать к хану сегодня, потом проблем не оберешься!» - подумал он и прищепил коня.

Иранкудук доехал до дворца Алооке за два часа. Когда охранники ввели монаха, хан сидел в своей комнате на золотом троне. Алооке был одет в красный шелковый халат. Висевший на его широком черном ремне меч, украшенный драгоценными камнями, сверкал под яркими солнечными лучами, ослепляя глаза.

- Вы приказали мне немедленно прибыть! – сказал Иранкудук хану. – Бросив все дела, я приехал к вам. Внимательно слушаю вас!

- Это верно! – кивнул головой Алооке. – Я послал за тобой потому, что услышал странные слухи и хотел расспросит тебя об этом поподробнее.

- Спрашивайте!

- Люди болтают, что у кыргызов скоро появится богатырь, который завоюет калмаков и китайцев. Что ты на это скажешь?

- Мой хан, эти слухи исходят от меня.

- Откуда ты взял эту бессмыслицу? – недовольно спросил Алооке.

- Как вы сами знаете, у меня есть волшебная, где предсказано все будущее, книга по названию «Истирлап» - ответил Иранкудук. – Согласно ему, скоро у кыргызов родится богатырь по имени Манас. Ликом, как маслянистая пшеница, с глазами, как густой туман и с видом, как голодный лев, он станет ханом. От его руки падут не только калмаки, кангайцы, а даже китайцы с той стороны. Манас покорит все земли вплоть до Бээжина. Он родится у бурутов. Когда Манас оседлает коня, твоим тыргоотам* придет конец.

- До какой степени можно верить сказанному тобой?

- Полностью верьте! До сих пор все предсказания «Истирлапа» полностью сбылись, не правда ли?!

- Это так!

- Да, повелитель. Немного времени осталось не только у вас, но и у нас. Удача отвернется от тебя, ты покинешь свои земли и перевалишь за Кангай*!

Услышав слова монаха, Алооке взбесился.

- Что, какой-то сын бурута сможет победить меня?! - гневно взревел он. - Бээжин завоюет, сукин сын?! Нет, этому не бывать. Сегодня же мы немедленно отправимся к хану Эсенкану и расскажем ему о Манасе!

Когда Алооке и Иранкудук отправились в путь и через несколько дней прибыли в Бээжин. Эсенкан, собрав всех мудрецов и шаманов, попросил у них совета. Посмотрев на баранью лопатку, разложив гадальные камушки, мудрейшие подтвердили слова Иранкудука. Испуганный Эсенкан, после глубоких раздумий, отправил гонца к старейшине Китая Карыкану. Тот, собрав ученых, спросив у духов, узнал о рождении у кыргызов богатыря Манаса. Составив об этом грамоту, он переслал ее Эсенкану.

Правитель Китая, поняв, что мудрецы говорят правду, приказал Алооке:

- С сегодняшнего дня найти всех беременных кыргызок, вспороть им животы и не дать родиться Манасу!

Алооке, взяв жайсанов*, вернулся на Алтай. По его приказу к нему были пригнаны все кыргызы. Пока никто не понимал причины, почему их собрали, монахи отделили одетых в длинные платья, с заплетенными в косы серебрянными подвесками беременных женщин и никого не подпускали к ним.

Поставив между народом и женщинами вооруженных короткими копьями, мечами и дубинками воинов, монахи вывели беременных на середину площади. Они стали вспарывать им животы ножами и кинжалами, не обращая никакого внимания на их дикие мольбы и отчанные крики. Вытащив плод, монахи кидали их собакам, оросив мгновенно густую траву красной кровью. Вскоре вся площадь наполнилась невинными кыргызками, распрошавшимися с этим миром.

От такой жестокости оставшиеся женщины стали падать от страха в обморок. Поспешивших к ним на помощь безоружным мужчинам преградили дорогу вооруженные калмаки и не пустили дальше. Несколько бесстрашных джигитов попытались, несмотря на копья и мечи, спасти женщин, но пали от рук врага. Все вокруг наполнилось предсмертными криками убиваемых женщин, детским плачем и громким лаем собак, празднующим свой жуткий пир.

Видя все это, кыргызы, не зная, что предпринять, впали в ужас. Несколько старцев во главе с Акбалта, повесив на шеи пояса в знак покорности, отправились во дворец к Алооке.

- Так, мои кыргызы, что вы хотели мне сказать? – спросил, восседая на золотом троне, Алооке.

Кыргызы, горько заплакав, упали перед ним на колени.

- Пошады, мой хан, пошады! – вскричал во весь голос Акбалта. – Тебе накрыты наши халаты, предназначены наши кони. Смилуйся над нами, повелитель!

- Не шумите, голова от вас болит! – недовольно закричал Алооке. – Говорите быстрее, кыргызы! Или я прогоню отсюда вас всех!

- Повелитель! – глотая слезы, проговорил Акбалта. – Мы твои подданные. Что ты ни скажешь, все исполняем, куда ни отправишь, безропотно идем. Однако, несмотря на это, твои монахи вспороли животы тысячам наших беременных женщин. Невзирая на их мольбы, они вытащили из их нутра расплод и бросили на съедение собакам!!!

- Мне это известно! Монахи исполняют приказ Эсенкана.

- Повелитель, за какие грехи ты наказываешь нас, оставляя наших женщин бесплодными?! – с дрожью в голосе спросил Акбалта.

- Оказывается, у вас скоро должен родиться богатырь по имени Манас – надменно ответил Алооке. – В будущем он покорит Китай. Чтобы Манас не родился, Эсенкан велел убить всех беременных кыргызок!

- Мой хан, кто вам все это рассказал? – с удивлением спросил Акбалта.

- Об этом поведал мой прорицатель, прочитав волшебную книгу «Истирлап»! – Алооке указал на стоявшего у трона Иранкудука. – Остальные мудрецы и шаманы Эсенкана подтвердили его слова.

Иранкудук, в знак согласия, важно кивнул головой.

Акбалта сначала посмотрел на старцев, а затем на Алооке.

- Повелитель! – взмолился Акбалта. – Останови это кровопролитие, не дай иссякнуть нашему роду!

- Нет! Такой приказ может дать только Эсенкан.

- Тогда, пока мы съездим к нему, не убивай наших женщин, мой хан! – снова расплакался Акбалта.

Согласившись, Алооке временно приостановил кровопролитие. Девяносто старцев кыргызов во главе с Акбалта, взвалив на тридцать верблюдов изделия из золота и серебра, волчьи, тигровые сапоги, дорогие шкуры и меха, на девяносто лихих скакунах, преодолев большое расстояние, приехали в Бээжин во дворец Эсенкана.

Стояло лето и солнце палило немилосердно. В такую жару Эсенкан, оставив стольный город, переселился в прохладную крепость Салкын на отрогах гор. Узнав об этом, кыргызы направились туда. Крепость эта располагалась недалеко от Бээжина. Хан Китая поставил большой желтый шатер в плодоносящем саду и отдыхал там. В саду обезьяны прыгали с ветки на ветку, бегали пугливые косули и заливались трелью соловьи, наполняя все вокруг шумом и гамом.

Выгрузив подарки с верблюдов, слуги хана начали заносить их в склады. Самих кыргызов охранники, вооруженные короткими копьями и длинными мечами на поясе, сопроводили к шатру Эсенкана.

Китайский хан был одет в длинный красный халат, искусно разукрашенный желтыми драконами. В отличие от кыргызского халата, китайский запахивался на правую сторону и был опоясан широким поясом. По китайским понятиям, на левую сторону запахивали халаты только невежественные народы.

- Повелитель! – почтительно произнес Акбалта. – Мы привезли тебе в подарок золота, серебра на двугорбых верблюдах. Если пожелаешь, мы готовы еще добавить. Единственная наша просьба – оставь кыргызов в покое и пошади наших женщин!!!

- Нет! – хмуро покачал головой Эсенкан. - Пожалев вас, я не могу допустить рождения такого опасного человека, как Манас. Кто пожалеет врага, тому не сдобровать!

- Повелитель, вы правильно говорите! Пожалев врага, не станешь сильнее. Хотя мы не враги тебе, мы не просим не убивать наших женщин. У нас есть лишь единственная просьба.

- Говори!

- Твой прорицатель по своей книге узнал, что у кыргызов родится Манас. Однако, монах не сказал, от кого он родится. Спроси у него об этом. Разве не правильнее будет убить лишь женщину, которая должна родить Манаса?! Если истребишь весь кыргызский народ, кто будет платить дань и прислуживать тебе?!

Эсенкан, немного призадумавшись, расхохотался. Вместе с ним лстиво захохотали все вельможи.

- Ха-ха-ха! – со смехом сказал хан. – Правильно говоришь, мой кыргыз! Почему я сам не додумался до такой простой мысли?! Просто так чуть было не лишился всех подданных, истребляя тысячи женщин?!

Эсенкан покачал головой и хмуро устался на Иранкудука, стоявшего недалеко от его трона.

- Ты слышал, что сказал этот кыргыз? – сурово спросил хан.

- Слышал! – ответил Иранкудук.

- Если слышал, отвечай. Кто родит Манаса?

Иранкудук, не смея прямо взглянуть на Эсенкана, опустил голову.

- Сейчас пока неизвестно, от кого он родится! - с дрожью в голосе произнес монах.

- Что ты сказал?!

- Мы пока не можем определить, какая женщина должна родить Манаса – поспешно ответил Иранкудук. – Однако, если позволите, я назову приметы богатыря, который должен родиться.

- Называй!

- Если у кыргызов родится мальчик, вели посмотреть на его открытую ладонь. На одном конце ладони должна быть кровь. На другом конце жир, а посередине - белая метка с именем «Манас».

Эсенкан, задумавшись на некоторое время, обратился к вельможам.

- Слушайте мой приказ! – сказал он. – С сегодняшнего дня убийства кыргызских женщин прекратить. Однако, пусть они живут не отдельно, а соберутся по пять домов в одном селении. На каждые пять домов поставьте по одному монаху, который должен пересчитать всех беременных женщин. После рождения мальчиков, исследовать их ладони. Если найдут Манаса, пусть немедленно отправят его мне!!!

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Стояла холодная погода и с неба моросил противный мелкий дождь. Холодный ветер с гор заставлял еще больше мерзнуть вышедшего наружу человека. И он спешил вернуться обратно.

Не думая о холоде снаружи, расположившись вокруг скатерти, поедая мясо и выпивая кумыс, сидят гости Жакыпа - Акбалта, Адылбек и Кыпчакбай. Им расторопно прислуживают две слуги. Если у кого заканчивается мясо в тарелках или кумыс в чашах, слуги тут же наполняют их.

Заметив, что у Жакыпа освободилась чаша от кумыса, худощавый джигит тут же направился к нему. Наполнив чашу, он молча удалился. Сделав пару глотков кумыса, протерев усы и бороду, Жакып обратился к гостям.

- То, что я искал на небесах, нашел на земле! – довольно произнес старик. – По прошествии девяти месяцев после пира Чыйырды понесла. А теперь она вся светится и стала особенно красива. Но после этого для меня настал “настоящий конец света!”

- Почему? – удивленно посмотрел на Жакыпа Адылбек, перестав жевать сочный кусок баранины.

- Приставленный к нам монах калмаков стал после этого безвылазно обитать у меня в аиле.

- Правду говоришь, Жакып! – кивнул Акбалта. – Этот негодяй вынюхивает все вокруг, в каждый дом заходит!

Жакып, горестно вздохнув, покачал головой.

- Когда пришел монах, я подарил ему скота и накормил до отвала – сказал он. – Изготовил водку из кумыса, наполнил ею бурдюк и дал ему унести с собой. Если Манас родится у меня, постараюсь любым путем сохранить его целым и невредимым. Надеюсь, что, если его не убьют, Манас отомстит за кыргызов и защитит интересы своего народа!

- Да, Жакып! – поддержал его Акбалта. - Если Манас родится живым-здоровым, наберется сил, то обязательно исполнит все чаяния кыргызов. Он объединит наш разрозненный, униженный, угнетаемый народ и уничтожит всех врагов. Надо предпринять все возможные усилия, чтобы обмануть находящегося в аиле монаха до рождения Манаса.

- Как я заметил, он большой любитель водки?! - Жакып с улыбкой посмотрел на Акбалту. Акбалта расхохотался и поставил свою чашу с кумысом на скатерть.

- Я тоже это заметил! – сказал он, прекратив свой смех. – Мы должны воспользоваться данным обстоятельством и с сегодняшнего дня поить его водкой до отвала. Давать ему все, что он ни попросит, ни в чем не отказывать, всем обеспечить и превратиться в самых близких его друзей. Монах от водки должен забыть не то что чужое, но даже свое имя!

Претворяя этот план в жизнь, Жакып стал уделять калмакскому монаху еще больше внимания. С утра до вечера угождая ему, он кормил мясом и поил водкой монаха, сколько его душе угодно было.

В это время у Жакыпа неожиданно появилась большая проблема. У Чыйырды начался талгак* - она захотела тигриного сердца. Ее душа не принимала ни меда, ни сахара, ни другой пищи. Единственное, чего требовала Чыйырды – сердце тигра.

- Э-э, жена! – услышав впервые о ее желании, Жакып невольно рассмеялся. – Другие женщины желают фрукты, овощи, а тебе захотелось тигриного сердца отведать?!

- Да, мой старичок! – не смущаясь, ответила Чыйырды. – Я хочу съесть сердце тигра и отведать бульон из него.

Услышав это, Жакып чуть не взбесился.

- Жена, ты что, ума лишилась? – заорал он рассерженно. – На свете столько животных, столько видов блюд, а ты выбрала тигра?

- Да!

- Где я тебе его найду? – еще больше рассердился старик. – Ведь тигр – это тебе не кошка, не воробей. И не каждый охотник сможет его подстрелить.

- Я это все понимаю! – умоляюще посмотрела на мужа Чыйырды. – Но, что я могу поделать, если хочу именно это?! Из-за желания попробовать тигриное сердце я места себе не могу найти и просто схожу с ума! Надо обязательно найти его, мой старичок. Если не дать беременной женщине то, чего она хочет, ее ребенок может родиться больным или слабоумным!

От этих слов Жакып еще больше растерялся.

- Только этого мне не хватало! – опечалился он. – Хорошо, я порасспрашиваю у охотников и постараюсь исполнить твое желание ради будущего ребенка!

После этого Жакып стал узнавать у всех охотников про тигриное сердце, однако ни у кого и нигде не смог найти его.

- Чего в округе много, так это тигров! - рассердился старик. – А вас, охотников, еще больше! И как же вы не можете подстрелить одного из них?!

- Тигр – не мышь! – засмеялись охотники. – Ему тоже хочется жить! Тигра могут убить только самые опытные охотники. А такие полуохотники, как мы, не способны на такой подвиг. Мы, едва услышав рев тигра, от страха бежим от него без оглядки!

Жакып еще больше опечалился. Когда он уже потерял всякую надежду исполнить желание Чыйырды, услышал, что вольный охотник из Кангая Бадалбай подстрелил тигра. Расспросив, он узнал, что охотник оставил себе только шкуру, а печень, сердце и остальное мясо зверя оставил на месте.

Узнав эту новость, Чыйырды побежала к конюху Бадалбаю раньше Жакыпа.

- Новость о том, что подстрелен тигр, передал ты, сынок? – спросила она у конюха.

- Да! – вежливо ответил огромный, смуглый, примерно двадцати пяти–тридцати лет Бадалбай.

Чыйырды сунула ему в руки большой слиток серебра.

- Зачем вы даете мне это? – с удивлением спросил Бадалбай.

- Сынок! – плачущим голосом сказала Чыйырды. – Пусть жизнь твоя будет вечной. Ты для меня сейчас роднее, ближе моих родителей. Не стой здесь, поскорее скачи и принеси мне сердце увиденного тобой тигра, а затем проси любую награду!

Услышав такое, Бадалбай был безмерно удивлен.

«Что с нею? Почему она из-за одного сердца тигра обещает столько награды? – про себя подумал он. – Ладно. Как бы то ни было, исполнит она или нет свое обещание потом – мне разве не все равно?! Главное – из-за такого пустякового дела старуха дала такой огромный слиток серебра! Пока она не передумала, исполню ее просьбу и принесу тигриное сердце!»

С этими мыслями Бадалбай поспешил домой. Попрошавшись со своими домочадцами, он незамедлительно отправился в путь. Двигаясь без остановок, с одной ночевкой в пути, охотник добрался до мест, где видел тигра и обнаружил, что тот весь обледенел. Бадалбай вырезал сердце тигра. Затем, не мешкая, он пустился в обратный путь.

По дороге он увидел конюхов, разделяющих павшую от болезни кобылу. Бадалбай решил испытать Чыйырды.

«Она мне правду сказала или это просто блажь? - подумал он. – Возьму у конюхов сердце кобылицы и дам Чыйырды оба сердца. Посмотрим, что она на это скажет?!»

Исполнив свое намерение, он взял кобылье сердце и к полудню следующего дня доехал до своего аила, где к нему, улыбаясь, подошла Чыйырды. Когда Бадалбай протянул ей оба сердца, старуха страшно удивилась.

- Сынок, почему ты даешь мне два сердца? – обеспокоенно спросила она у Бадалбая. – Что, по дороге начался падеж тигров? Или вольный охотник Кангая подстрелил сразу двух тигров?

- Нет, матушка! - ответил Бадалбай. – Нет никакого падежа тигров. И вольный охотник Кангая подстрелил только одного из них!

- Почему же ты тогда дал мне два сердца?– еще больше забеспокоилась Чыйырды. – Или ты хочешь обмануть меня, подсунав сердце другой скотины, вместо тигриного?

- Нет! - засмеялся Бадалбай. – Я был очень удивлен тем, что вы дали такую большую награду за сердце тигра и обещали еще больше. Поэтому я, решив испытать вас, по дороге взял сердце павшей от болезни кобылы. Я прошу у вас прощения за это!

- А-а, вот, оказывается, какой ты негодяй! - захохотала Чыйырды. – Посмотри, какой хитрый! Ну и напугал же ты меня!

После этого, успокоившись окончательно, она положила в котел оба сердца. Слегка сварив их, не давая никому, она все съела сама. Выпив без остатка две большие чаши бульона, Чыйырды полностью утолила свой талгак.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Пришло время родиться ребенку. Схватки у Чыйырды начались в ночь со среды на четверг. В ее юрте было выставлено коромысло из золота и забита белая кобылица.

Чыйырды не смогла сразу разродиться и схватки ее продолжались в течение шести дней и семи ночей. На помощь к ней пришли все жители айла. Жакып, кружась вокруг юрты, переживал всем сердцем о благополучном рождении ребенка и не отходил далеко.

Чыйырды временами теряла сознание и закатывала глаза, когда ребенок в утробе начинал шевелиться. Она начинала снова кричать, когда приходила в себя.

- Неужели этот ребенок пришел на мою погибель и оставит бая Жакыпа вдовцом? Почему он не рождается?! – кричала, снова вцепившись в золотое коромысло, Чыйырды, приводя всех в смятение.

Услушав о мучениях жены, Жакып горестно вздохнул и непрошенные слезы потекли из его глаз.

«Пусть Всевышний сжалиться над нами и жена благополучно разродится! – про себя начал молиться он. – Когда же младенец появится на свет?! Упаси бог от того, что он и сам не родится, да еще доведет до могилы жену, повергнув меня в горе?!»

На седьмой день, при вести о том, что Чыйырды наконец должна родить, измучившийся Жакып заплакал навзрыд.

- О-о, Всевышний! – проливая слезы, взмолился он. – Несмотря на такое большое богатство, я молю об одном ребенке! Дай мне сил не опозорится перед народом, упасть или потерять сознание от радостной вести о рождении младенца!

Вспомнив о том, что он мужчина, Жакып, вытерев слезы, взял себя в руки.

- Уеду в безлюдное место и встречу там радостную весть о рождении сына! – решил бай и объявил о призе в сорок голов темно-серых жеребцов тому, кто сообщит о рождении наследника.

- Я еду в степь, братья! – сказал он односельчанам. – Если у меня родится дочь, никуда не двигайтесь и оставайтесь дома. А если родится сын, удостоверившись в этом, найдите меня, где бы я ни был!

После этого Жакып вышел в путь. Проехав некоторое время, он встретил табун жеребца Жоргобоза. Среди лошадей старик заметил беременную саврасую кобылицу с черной гривой. Она крутилась туда-сюда, явно намереваясь родить.

- О-о, Боже мой! – удивился Жакып. – Как будто не было других дней, что саврасая собралась ожеребиться именно сегодня?!

Спешившись с коня, он осмотрел кобылу и убедился в правдивости своего предположения.

- Если кобыла родит жеребенка мужского пола, я отдам его сыну! – решил Жакып. – С этого времени я сменю кличку жеребца с Жоргобоза на «Камбарбоз».

В это время весь табун, растянувшись, вошел в ущелье. Остановившись у зарослей подорожника, лошади разбрелись пастись в разные стороны

... На следующий день после отъезда Жакыпа схватки Чыйырды снова возобновились. Они длились уже восемь дней, так что помогающие ей двенадцать женщин были уже на пределе своих сил. Но ребенок никак не хотел рождаться. Однако, посмотрев на роженицу, много повидавшие на своем веку повитухи почувствовали, что роды приближаются.

- А ну-ка, бабы! – твердо сказала изрядно вспотевшая Бакдоолот. – Кажется, время родов наступает. Пусть Бог даст сил Чыйырды! Когда начнутся схватки, крепче тяните!

Не успела она закончить свою речь, как Чыйырды, у которой снова начались схватки, громко, во весь голос крикнула:

- Ой, бабоньки! Будьте готовы! Кажется, ребенок рождается! А-а-а!!!

В этот момент раздался крик младенца. Он вывалился на землю, стал извиваться и плакать. Когда вместе с ним заплакала и Чыйырды, женщины все загомонили и собрались вокруг ребенка.

- Мальчик или девочка? Когда мне скажете? – сказала Чыйырды, не переставая плакать. Женщине, посмотревшей на ребенка, бросилась в глаза писька младенца.

- Мальчик! Мальчик! – громко и восторженно крикнула она.

От радостной вести Чыйырды чуть не потеряла сознание.

- Что случилось с матушкой? – испугались все женщины. – Видимо, на нее нечистая сила напала!

Однако Чыйырды пришла в себя, подняла снова голову и обратилась к высокой, смуглой, полноватой Канымжан.

- Бабы! – задыхаясь, бессильно сказала она. – Не суетитесь много и поднимите ребенка с земли. Жена Акбалты, перережь пуповину ребенка сама!

Канымжан подошла к младенцу и заметила, что он родился с зажатой в обоих кулачках кровью. Радуюсь благополучному разрешению Чыйырды от бремени, она перерезала пуповину. Когда Канымжан заворачивала его в шаль, младенец с силой пятнадцилетнего подростка вырвал свою правую руку.

- Ой, страх-то какой, вырвал руку и одернул ногу, как сорокалетний мужчина! – поразилась Канымжан. – Не стойте, как истуканы и помогите поддержать младенца, бабы!

- Что ты мелешь всякую ерунду, Канымжан! – недовольно пробурчала Бакдоолот. – Если не хочешь возиться с ним, отойди подальше!

Когда Бакдоолот подняла с земли орущего младенца, то отметила, что он весит, как девятилетний мальчик. Она не стала обращать внимания на это. Вдохнув запах ребенка в себя, Бакдоолот поцеловала его. Затем, открыв ладонки младенца, женщина увидела надпись «Манас».

- Всевышний действительно дал нам его! – несказанно обрадовалась Бакдоолот. – Дождались давно ожидаемого Манаса!

Когда Бакдоолот сунула свою грудь, ребенок так соснул ее, что у нее чуть душа не выскочила. Тогда она взяла из сундука и положила ему в рот топленого масла. Младенец проглотил все за короткое время. Затем Бакдоолот передала ребенка Чыйырды для кормления. Она сунула младенцу наполнившуюся молоком правую грудь. Когда ребенок начал сосать, сначала вышло молоко, потом вода, а затем кровь.

Не выдержав боли, Чыйырды вырвала грудь изо рта малыша.

- Ох, каков ребенок! – с удовольствием глядя на мальчика, произнесла она. – Благодарение Всевышнему, что дал мне такого сильного ребенка, настоящего богатыря! Вам, бабоньки, я безмерно благодарна! В честь рождения малыша я велю зарезать восемь кобылиц. А пока берите то, что я для вас подготовила и будьте довольны. Приходите без опоздания на пирушку и будьте уважаемыми гостями!

XX

В это время все в аиле взволнованно искали по горам и холмам Жакыпа, чтобы получить подарок за радостную весть. Канымжан думала, что ее муж вместе со всеми ищет молодого папашу. Получив причитающиеся ей подарки от Чыйырды, она со спокойной душой вернулась домой. Но, увидев беззаботно сидевшего в постели Акбалту, женщина вздрогнула от неожиданности.

- Ой, мой старичок, почему ты дома? – с раздражением спросила Канымжан. - Или тебе не нужно богатства? Почему не стараешься, как другие, получить обещанные Жакыпом сорок лошадей, а сиднем сидишь дома?!

Акбалта с упреком уставился на свою жену.

- Эй, несчастная Канымжан, у тебя мозги есть? – зло спросил он. - Как я смогу обогнать тех, кто уже давно поскакал получать подарок? И разве мне что-нибудь достанется от них?

- А разве от тебя убывло, если бы сразу стал искать Жакыпа? – еще больше разъярилась Канымжан.

- Жена! – увидев потемневшие глаза жены, стал юлить Акбалта. – Сколько людей живет в аиле, сколько есть ближайших соседей у Жакыпа. Пока я собирался, их уже и след простыл. К тому же, сейчас у меня нет сил сесть на лошадь.

- Ты посмотри на него! – еще больше рассердилась Канымжан. – Сколько отговорок у этого лентяя, а-а?!

- Хватит, замолчи! – огрызнулся Акбалта, задетый за живое. – А сама-то, как будто весь мир держится на тебе, столько дней провела у Чыйырды. Ну и что ты получила за свои труды?!

- Вот, мне дали в подарок два тюрбана и один халат! – сказав это, Канымжан разложила все подарки перед мужем, заставив его закрыть рот.

- А теперь, мой старичок, пойдешь искать Жакыпа? – с нажимом спросила она.

- Как я смогу поехать на моем коне Кокчолоке? – с мольбой посмотрел на жену Акбалта. – Если никто до сих пор не нашел Жакыпа, как я найду его?

- Ничего страшного! – невозмутимо произнесла Канымжан. – Какая-либо вещь достанется не тому, кто нашел, а тому, кто позаботится о нем. Не тому, кто успел, а тому, кому это предназначено судьбой. Даже если кто-то помчится на облаке, добычу получить тот, кому суждено ею завладеть. Возможно, именно ты найдешь Жакыпа на Кокчолоке?!

Прижатый к стенке, Акбалта вынужден был согласиться с женой.

- Ладно, я поеду – сказал он. - К тому же мне изрядно надоело лежать дома!

Выйдя на улицу, Акбалта оседлал коня и пустился на поиски Жакыпа.

... В это время Жакып ожидал вестей о ребенке в потайном месте, неподалеку от аила, на берегу черной речки. Как он и предполагал, саврасая кобыла родила белого жеребенка. Жакып поправил его ножки, обмел его, обжал морду, помог встать на ноги и повел к кобылице.

«Если Бог даст мне сына, подарю ему этого жеребенка!» - сладостные мысли радостного Жакыпа перебил Акбалта на Кокчолоке.

- Радуйся, брат! – издали крикнул Акбалта, увидев Жакыпа.

- Чему? - растерянно спросил старик.

- Мой лев! На старости лет жена подарила тебе леопарда, тигра, товарища! – когда Акбалта стал кричать, у Жакыпа от радости хлынули из глаз слезы.

- О-о, Боже! – взмолился он. – Неужели я и в самом деле дождался ребенка? А я уже думал, что уйду с этого мира без детей. Не радуясь рождению сына, я молю о долгой жизни для него, о-о, Всевышний!

Чересчур взволнованный радостной вестью, Жакып грохнулся на землю и потерял сознание.

Акбалта поспешно подбежал и стал тормошить его, однако старик даже не шелохнулся.

- Похоже, принесся ему радостную весть, я лишился своего младшего брата?! – испугался встревоженный Акбалта и, сняв с головы калпак, побежал к текущему недалеко ручью.

Принеся воды, он побрызгал на грудь и лицо Жакыпа. Тот, придя в себя, поднял голову.

- Дядюшка Акбалта! – бессильно сказал он. – От радости, оказывается, я упал в обморок. Повтори, пожалуйста, свои слова?!

- Я ведь уже сказал тебе?! Твоя жена родила мальчика. Что ты мне дашь за это?

- Ты говоришь правду? – все еще не верил Жакып. – Мой ребенок действительно мальчик? Ты видел это своими глазами, или слышал от женщин?

- Твоя жена родила отличного мальчика! Его громкий крик при рождении услышал даже я, хотя сидел дома. Как сказали ухаживавшие женщины, твой сын вышел из утробы, держа

в руках печень Чыйырды, как грязь. Когда его пеленали, он сопротивлялся с силой тридцатилетнего мужика. Все говорят, что это прекрасный мальчик!

- Это хорошо! – кисло ответил Жакып. – Однако, у меня, кажется, появился решительный, отважный сын, который может поджечь любую землю и взбаламутить свой народ?! Возможно, он, когда подрастет, с таким характером направо-налево раздаст весь мой скот и разорит меня дотла?! Кстати, я не очень тебя понял. Что, мой сын забрал печень у своей матери? Вообще, жена жива-здорова?

- Что ты за человек?! – не на шутку разозлился Акбалта. – Ты все время плакался, что у тебя нет детей. Теперь же, едва дождавшись ребенка, уже переживаешь за свой скот больше, чем о сыне. Ты, оказывается, тот еще жмот?! Стараясь сохранить богатство, как бы тебе не умереть неприкаянным?! Ну, все, хватит! Если для меня у тебя есть подарок, дай его. Если не можешь его дать или не хочешь, говори прямо, чтобы я зря не надеялся и ушел восвояси домой!

- Все, все, Акбалта! – рассмеялся Жакып. – За радостную новость возьми с табуна Камбарбоза девять голов коней, четыре верблюда и остального скота четыре девятки. А остальное заberi у женщин обманом, у девушек и молодых – украдкой! Тебе этого достаточно, старик Балта? – с хохотом спросил он у родственника.

- Да! – довольно ответил Акбалта и Жакып заарканил для него девять голов лошадей из своего табуна.

- *Что нам делать в чистом поле?* Пойдем домой и проведем ребенка! – сказав это, Акбалта и Жакып вместе, развеивая свои бороды, прищипывая иноходцев, вернулись обратно в аил.

Когда они приблизились к дому Чыйырды, их окружили, выкрикивая радостную весть, сорок человек, вышедших на поиски Жакыпа.

- Будет вам, будет вам! – рассмеялся бай. – Кого из вас мне отблагодарить за хорошую новость? Все вы мне близки, чужих среди вас нет. Поэтому в подарок возьмите коней, которых вы оседлали. А кому не досталось коня, сетуйте на Бога!

Услышав голос Жакыпа, раздающего подарки, к нему навстречу вышли женщины.

- Пусть ремни колыбели твоей будут крепкими, а ремень твоего приклада будет к добру! – приветствовали они старика.

Поблагодарив их, Жакып радостно вошел в юрту. Внутри, укрывшись яхонтовой шубой, красная, как пламя в очаге, сидела Чыйырды с ребенком на руках. Рядом с нею были две-три женщины во главе с Бакдоолот.

- Жена! – обратился к ней Жакып. – Принеси мне ребенка!

Пока Бакдоолот собиралась взять его, Чыйырды сама, опередив ее, передала крошку Жакыпу.

- Вот, оказывается, каково иметь ребенка! – сказал бай и заплакал навзрыд, напугав младенца, отчего тот также начал плакать.

Жакып, уставившись на сына, начал про себя оценивать его.

«У него лоб широкий, голова узкая! – подумал он. – Губы толстые, глаза глубокие. Он должен вырасти настоящим богатырем. Тигриные шея и грудь, кисть мощная, уши волчьи – мой сын отличается от других своей статью. Если Бог послал мне такого ребенка, то он отомстит всем за мои обиды!»

Обрадованный своим выводам, Жакып нежно поцеловал сына в щечки и отдал его обратно Чыйырды.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Посмотреть на новорожденного в гости пришли Акбалта и Адылбек. Акбалта взял у лежавшей в постели Чыйырды Манаса и пристально посмотрел на него.

- Пусть жизнь его будет долгой! – поцеловав младенца, с удовлетворением сказал Акбалта. – Пусть он отомстит всем нашим врагам!

Взяв с рук Акбалты сына, радостный Жакып также поцеловал его в лицо.

- Дайте и мне Манаса! – нетерпеливо попросил среднего роста, худощавый, смуглолицый Адылбек.

Когда Жакып бережно передал сына, он некоторое время внимательно вглядывался в него. Затем, осторожно поцеловав его в нос, он неожиданно вздрогнул, как бы испугавшись чего-то.

- Что теперь будем делать с монахом калмаков? – спросил Адылбек у Жакыпа. – Как скроем от него рождение Манаса?

Все растерялись, не зная, что ответить и в юрте воцарилась гнетущая тишина. Через некоторое время Акбалта, задумчиво поглаживавший бороду, весело посмотрел на окружающих:

- Я, кажется, нашел выход из данной ситуации!

- Какой выход ты нашел? – спросил у него с надеждой Жакып. – Говори! Если мысль твоя хороша, исполним ее беспрекословно.

- На другом конце двора скулят новорожденные щенки! Не говоря никому, пусть Жакып принесет одного из них. Адылбек, приведи монаха сюда. А Бакдоолот пусть спрячет Манаса в соседней юрте!

- Что ты задумал? – удивился Жакып.

- Не тратьте время зря и делайте то, что я говорю! Потом сами все поймете.

- Хорошо!

Жакып, Адылбек и Бакдоолот вышли из дома, чтобы выполнить этот приказ. В доме остались только Акбалта и Чыйырды. Через некоторое время Жакып вернулся обратно. Вытащив из-под халата маленького черного щенка, он передал его Акбалте. Тот осторожно положил его в постель к Чыйырды.

- Вот, теперь все в порядке! – удовлетворенно произнес Акбалта.

Немного погодя, Адылбек привел домой еле стоящего на ногах, вдрызг пьяного Кочку. Монах был одет в синий халат и островерхий черный колпак.

- Заходи, уважаемый монах! – сказал, низко поклонившись гостю, Акбалта.

- Зачем вы меня вызвали, буруты? – раздраженно спросил долговязый, скуластый, рыжий монах. – Я в свое удовольствие лежал, пил водку, а вы меня потревожили!

- Извини нас, дорогой! – вежливо улыбнулся Акбалта. – Мы позвали тебя, чтобы исполнить приказ Алооке о том, что при рождении детей обязательно сообщать об этом его монахам. У нас жена Жакыпа родила ребенка.

- Жена Жакыпа родила? – с пьяной ухмылкой спросил монах.

- Да! – ответил Адылбек. – Ты, монах, здесь ходишь потому, что много чего знаешь и без лишних слов быстро вникаешь в любую ситуацию!

Монах, выпив чашу кумыса, протянутого Акбалтой, положил себе в рот кусок сочной баранины. Пошатываясь, он подошел к Чыйырды. Откинув одеяло, монах увидел лежавшего рядом с нею черного щенка.

- Проклятье, Акбалта, ты меня прикончил?! – задыхаясь, с трудом проговорил мгновенно протрезвевший монах. – Оказывается, жена Жакыпа родила не человека, а собаку?!

Не в силах произнести еще что-либо, он в ужасе, с дико вытаращенными глазами, стал отступать назад. Неожиданно Кочку упал и потерял сознание. К нему сразу на помощь поспешил Жакып.

- О-о, господи! – запаниковал он. – Спасайте монаха! Если он умрет, калмаки не оставят меня в покое и повесят вверх ногами!

Жакып торопливо набрал из ведра в ковшик воды и побрызгал в лицо монаху. Кочку пришел в себя и с трудом открыл глаза.

- Как ты, монах?! – с тревогой спросил Жакып.

- Хорошо! – бессильно ответил Кочку.

- Тогда вместе с моими джигитами пойдешь домой, где ты остановился. Отдохни там, поешь мяса и попей кумыса!

- Нет-нет, кыргызы! – решительно покачал головой Кочку. – Теперь, если дадите не то что кумыса, а даже золота с меня весом, я ни за что не останусь здесь. У народа, где женщина рождает не человека, а собаку, не будет ни счастья, ни благополучия, ни будущего! Я сегодня же уеду из вашего аила!

Как ни просили, ни умоляли кыргызы, монах никого не послушался. Еле поднявшись с места, покачиваясь, он вышел из юрты.

После того, как монах ушел, Бакдоолот принесла Манаса обратно домой и передала его Акбалте. Он, открыв правую ладошку младенца, увидел надпись «Манас».

- Его нам дал Бог! – радостно обратился ко всем Акбалта. – Родился наш Манас, которого мы так долго ждали. Пусть он станет богатырем, оправдает наши надежды и послужит нашему народу!

- Пусть исполнятся ваши слова! – загомонили все в доме.

В это время к Акбалте подошел Адылбек, чем-то расстроенный.

- Дядя! – сказал он. – Мы, радуясь рождению Манаса, хитростью прогнали монаха. Однако, если завтра другие калмаки прознают о рождении ребенка, нагрянут к нам с проверкой. Тогда мы можем огрести горя и лишиться ребенка?!

- Это правильно! – согласился Жакып. – Калмаки завтра же узнают о нем. Надо найти какой-нибудь выход.

Когда присутствующие в доме молча уставились друг на друга, всех опять выручил Акбалта.

- Братья! – сказал он. – Давайте назовем ребенка не Манасом, а «Большим идиотом». Тогда калмаки ничего не заподозрят и мы сохраним младенца живым-здоровым. Вы согласны на это?

Все загомонили:

- Согласны!

- Нет! – решительно покачал головой Адылбек. – Так не пойдет! Если прибывшие к нам калмаки осмотрят ребенка и прочтут метку на его ладони, сразу все поймут. И тогда мы лишимся Манаса. Да и нам самим придется туго за обман!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.